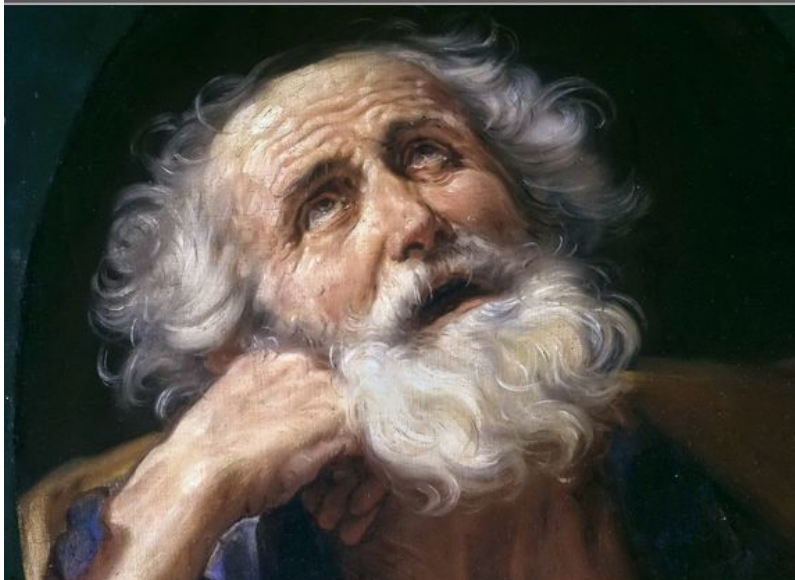

Алексей Иванович Дьяченко

Человек

Сборник рассказов-1

Алексей Дьяченко

Человек. Сборник рассказов-1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18324922

ISBN 9785447470456

Аннотация

Книга о нас с вами. Человек в быстро изменяющемся мире – главный герой семидесяти восьми рассказов, собранных под одной обложкой. Повесть, рассказы, полные трагизма и трагикомизма истории ждут вашего внимания. Рекомендуется для чтения тем, кто хочет стать человеком, кто считает себя таковым и даже тем, кто утратил надежду остаться оным.

Содержание

Агитатор	6
Аникуша	12
Афанасий Пузин	21
Бабушка-старушка	24
Баловство	27
Беседы в женской бане	29
Болгарочка	40
Болтушка	42
Будем радоваться	46
Бунтарь	48
Бытовуха	49
Валентины	50
Великан	53
Взросление	55
Влияния	57
Внук и дедушка	59
Воровка	62
Воспитание действием	68
Восточная красавица	70
Врушка	72
Вызвали врача	75
Выручил	77
Выход найден	79

Генеральша	82
Герой	83
Главная роль	86
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Человек
Сборник рассказов-1
Алексей Дьяченко

© Алексей Дьяченко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Агитатор

У музея Ленина всегда можно встретить словоохотливого старичка по фамилии Адушкин, зовут его Стален Семёнович. При нём всегда библия, он любит побеседовать с праздничношатающимися людьми, в особенности с молодёжью. Как-то раз, не скажу что случайно, именно намеренно, был я свидетелем его беседы с молодым человеком которого можно охарактеризовать, как стоящего на развилке жизненных дорог.

– Главные враги человечества, милый мой, – внушал ему Адушкин, – это верующие в Бога и капиталисты. Вот ношу с собой я библию, читаю разделы про Иисуса Христа, пытаюсь вникнуть, понять, что там на самом деле произошло, в то стародавнее время. Сам я бывший прокурор и недоумеваю, если правда то, что в этой книге написано, тогда каких ещё улик евреям было нужно. Тут чёрным по белому в разделе «Евангелие от Марка» написано, что при свидетелях среди бела дня он угробил стадо свиней. Что это такое? Хулиганка? Нет. Чистая 69-я. Вредительство. Бесспорно, эти свиньи государственными были, и он нанёс урон в особо крупном размере. В том стаде две тысячи голов было. Каждая свинья, беру по минимуму, пусть килограммов по сто пятьдесят. Это я по минимуму, потому что знаю, забивали у нас свиней и по два и по три центнера. Сто пятьдесят помножить

на две тысячи, сколько ж это будет. Что-то сразу и не соображу. Постой, сделаем так, умножим триста на тысячу, будет полегче. Триста на тысячу, это будет... Это будет...

– Будет триста тысяч, – подсказал молодой человек.

– погоди, не сбивай. Да, ну? Не врешь? Триста тысяч килограммов свинины. Вот это – да! Триста тысяч килограммов, не гнилой, не перемороженной, а парной свинины. Это я брал ещё по минимуму, а там все шестьсот тысяч, конечно, были. При свидетелях, среди бела дня, угробил такую гору свежего мяса. Оставил город на месяц без белка, посадил тысячи честных тружеников на голодный паёк. Да разве за ним только это. Пальцев не хватит погибать. Бегство за границу, бродяжничество, агитация и пропаганда, незаконное врачевание, загрязнение водоёмов, незаконный промысел, массовые беспорядки, клевета, воспрепятствование осуществлению религиозных обрядов, паразитический образ жизни, попрошайничество, групповщина, покушение на разрушение сооружений. Не понимаю! Какие им ещё нужны были улики для того, что бы схватить его и судить? А ещё говорят евреи умные люди, такой простой арифметики не поняли. Нужно было не разбираться, а сделать так, как в тридцать седьмом. Решением тройки по обвинению в вышеперечисленном назначить высшую меру социальной защиты и в тот же день в подвалах Иерусалима привести приговор в исполнение. Надо было его, во чтобы то ни стало, уничтожить. И уничтожить так, что бы ни славы, ни мифа, ни книг не осталось. Я,

милый мой, просто убеждён в том, что если бы не было этих книг, то наша ленинская коммунистическая партия правила бы вечно. Вот я штудирую эту библию, читаю внимательно, стараюсь найти, выискать что-то хорошее. То, что помогло бы повернуть колесо истории вспять. Ведь не всё ещё потеряно, идея не исчерпала себя. Ведь, как хорошо можно было бы жить. Есть, есть у нас перспективы, есть возможность взять реванш. Почему развалилась страна? Почему всё пропало? Потому что коммунизм – это идея действия. Надо было действовать, а не спать! А мы сидели, сопли жевали, вот и разложились, провоняли. А представь себе нашу армию под руководством решительного Центрального Комитета возглавляемого энергичным Генеральным Секретарём. Ведь это что же мы могли бы наделать? Мы бы весь мир смогли перевернуть! Для начала бы запустили руку в мировой карман. Для этого сто десантных дивизий, ночью, в половине третьего, высадились бы в Швейцарии. А за сутки до этого дать приказ диверсантам, что бы сделали там взрывы, обесточили телефоны, телеграфы, а главное компьютерную их электронику. Что бы ни одной копейки, ни одного американского цента не смогли за границу в филиалы перевести. Десант захватывает банки и аэродромы, и пока в транспортные грузовые самолёты солдаты переносят золото, наша страна в лице умного и красивого Генерального Секретаря объявляет всему миру ультиматум: «Швейцария является сферой нашего интереса. Так что всем сидеть тихо и не рыпаться.

Знаете, сколько в нашем арсенале атомных и водородных бомб? Ах, не знаете? Так можете узнать. Они у нас и в шахтах подземных, и на подводных кораблях, и даже на самолётах. Хватит всем. Мы кого хочешь достанем, кто своё жало из подворотни покажет. Но мы не агрессоры, нам чужая земля не нужна». За три дня грузим всё золото, все валюты, все долговые расписки и уходим домой. Всё! Больше нам ничего и не надо. Строим вокруг своей страны китайскую стену и живём себе припеваючи. Оружие у нас есть, нас боятся, к нам не сунутся. И деньги есть. А чего ещё нужно для счастья? Все богаты, все рады, страна процветает. Наёмные, жадные до денег американские рабочие за ихние же жалкие доллары строят нашим людям просторные и светлые дома, пекут хлеб, чистят унитазы, а мы только ходим, да подсолнухи поплёвываем.

От подобных перспектив глаза у молодого человека заблестели, он стал улыбаться, просто засиял. Обрадовался такой реакции на свои слова и Стален Семёнович.

– Погоди, – лоснясь от выступившего пота, как масляный блин, продолжал Адушкин, – то ли ещё будет. Ведь капиталисты, они хуже вокзальных проституток, они за деньги на всё готовы. Заплати им и они, будь-то президент США или Английская королева, тебе всё, даже самое позорное сделают. А денег-то у нас будет вагон и маленькая тележка, то есть сто тысяч вагонов и сто миллионов маленьких тележек. Все их деньги будут у нас, а за них они и петь и плясать

и пятки лизать нам будут. А ещё... Ещё тёплое море у самой Москвы сделаем. С пальмами, с мартышками, чтобы не хуже чем в Сочи было. Американцы за кольцевой под море котлован выроют, а мы напустим тёплой воды туда. За деньги сделаем повсюду обогреватели, под землю тоже обогреватели вроем, и станет в Москве тепло зимой, как летом. Летом обогреватели можно отключать и так тепло, а чуть дело к заморозкам, включаем питание и лето продолжается. Не жизнь будет, а малина! Ну, чем тебе не Рай? И без всяких библий и Богов. Понимаешь, коммунизм – это когда всем хорошо, когда каждому даётся всё то, что душа пожелает.

– А, что дальше будет? – искренне поинтересовался молодой человек.

– Дальше? А на чём я остановился?

– Пойдёшь за кольцевую, а там море и пальмы с бананами.

– Да. Пальмы, бананы, хочешь, лазай, хочешь, ешь. Свистнул мартышке, она тебе оторвала тот, что поспелее, а они, мартышки, учёные будут, за деньги дрессировщиков наймём, они их научат всему. Снимет она хороший банан и тебе, нате, кушайте, дорогой товарищ. Не обманет, как в магазине. Гнильё продают и говорят: «Это специальный сорт бананов – леопардовые». Мартышка не обманет. Ты ещё не успеешь его сжевать, а тебе уже наш бывший враг, бывший агрессор, а теперь попросту холуй и шестёрка, стакан холодной водки подаёт. И по-своему «плиз» говорит, что по-русски означает «на здоровье». За деньги купим всех, научим водку

остужать, заставим улыбаться. Подаёт он тебе, значит, водку, а с ней в комплекте бутерброд с осетровой зернистой икрой. Не плохо? Так-то! Ты всё это значит, «за воротник». Ага. Уже хорошо тебе, а впереди программа ещё лучше. Трут-ся, как кошки, специально привезённые для тебя из Пари-жу девчонки фигурные, без всяких там спидов и болезней. Ведь зачем, подумай, нам китайская стена нужна? Кстати, можно её и не строить, а купить у китайцев и на их же горбу к нам домой привезти. Для того, чтобы не тащили к нам спи-дов, наркотиков и всякой другой дряни. А девчонки, те, что на пляже, они уже согласные, тебе на них затрудняться не на-до. Щёлкнул пальцем или там подмигнул со значением, и она с себя верхнюю защиту снимает. Щёлкнул ещё раз пальцем или там подмигнул другим глазом, и она с себя значит всё остальное, того, сбрасывает. Щёлкнул ты пальцем в третий раз или там зажмурился, к примеру, так, чтоб через щёлки меж глаз всё видно было, и она сама за тебя всё сделает, до-ставит, так сказать, тебе удовлетворение и ещё сама же спа-сибо скажет. Вот это и есть коммунизм. Каждому – по по-требностям, то о чём так много говорил Ленин. А при капи-тализме что? Ничего хорошего. Пока молодой давай думай, размышляй, как тебе дальше жить. Что лучше, жить и насла-ждаться или горбатится на дядю Сэма.

– Коммунизм победит, – убеждённо сказал молодой чело-век.

4.09.1997 г.

Аникуша

С первого дня моего рождения мама мне говорила: «Аня, кушай! Аня, кушай!». Так и прозвали Аникушей. Папа говорит, что, когда вырасту, меня все будут называть Анной. А бабушка, когда была жива, обращаясь ко мне, называла меня Нюрой.

Дома из друзей у меня только Чита, она умеет слушать. Она меня понимает. Всем остальным не до меня. Чита – это мягкая игрушка-инвалид. У нее нет ног. Говорят, что когда я была маленькой, я ей ноги повыдергивала. Дергала-дергала и повыдергала. Ноги у Читы есть. Они лежат в нижнем ящике папиного письменного стола и время от времени пришиваются, но нитки тонкие и быстро рвутся, и вдоволь походить на своих ногах у Читы не получается. Тонких ниток надолго не хватает.

Бабушка, пока не умерла, говорила, что это все пустая затея и напрасный труд – пришивание ног Чите простыми нитками и простой иглой. И нужна игла цыганская, а нитки – суровые. Так ее и не послушали. Так она и умерла, не увидев Читы твердо стоящей на своих ногах.

Да, бабушка умерла. Все старые люди должны умирать, так как молодым нужно освобождать место. Бабушка сама так говорила.

Чита моя лучшая подруга, но помощница из нее плохая.

Я могу ей доверить все свои тайны. Могу ей рассказывать обо всем, и она будет молча слушать, не перебьет, не скажет, как мама: «Твоя трескотня надоела», не скажет, как папа: «Я думаю. Ты мне мешаешь», не скажет, как говорила бабушка: «Говори, деточка. Я сейчас прилягу, засну, а ты говори». Чита будет сидеть и внимательно слушать, но вот помощи от нее не дождешься.

А ведь у меня столько дел. Мне нужно столько помощников. Потому, что у нас много врагов. Первый враг – Чернильник. Он печатает только черное, плохое, и то, что с «душком», то есть что плохо пахнет. А пуще всего любит ложь.

А у папы все светлое, хорошее, и больше всего папа любит правду. То есть все то, что Чернильнику не подходит. У Чернильника мечта, чтобы над землей возшло черное солнце. Чтобы света белого никто невзвидел. А у папы совсем другие мечты, прямо противоположные. Он хочет, чтобы никто не голодал и чтобы люди в тюрьмах не сидели. Чтобы у каждого был свой дом, сад и любимая работа.

Второй враг – ювелир. Он увел маму. Он думает, что все за золото можно купить. Он ошибается. Он сделал кольцо, чтобы отнять маму. А мама у меня слабая, доверчивая, верит негодяям, но я ее люблю. Я ее верну и буду о ней заботиться.

Третий враг – Розяевы. Они хозяева квартиры. Они хотят выгнать нас с папой на улицу, так как мы «жильцы беспокойные».

Папа с врагами бороться не хочет, говорит, что это вра-

ги временные и не главные, а главные и постоянные – это вечная нищета, равнодушие окружающих, которое помогает плодиться злу, человеческая беспечность и человеческая же рассеянность. «Теряют люди жемчуг драгоценной любви. Забывают юношеские клятвы. Сбиваются с верного пути. Надо спасать людей! Пропадут люди, если их не спасти!» – так говорит папа. А бабушка перед смертью говорила, что спасется только тот, кто сделается ребенком. А как мне спасти родителей? Как сделать их детьми, если их так испортила, так запутала взрослая жизнь? Они меня не слушаются, не услышат. У них нет времени на детские глупости. Им нужно спешить, торопиться, они постоянно опаздывают. Их ждут «завистники», «предатели», «враги», «которые годами не звонят, не зовут к себе в гости», которые называются «бывшие друзья».

А еще я вижу то, чего никто не видит. Я об этом никому не говорю, так как все меня считают выдумщицей и ни одному моему слову не верят. А если и делают вид, что слушают, то только для того, чтобы меня не обидеть. Притворяются, одним словом.

Со слов мамы знаю, что заговорила я ровно в год. То есть, как только годик мне исполнился, так сразу же и заговорила. Все смеялись, глядя на меня. Я еще не твердо стояла на ногах, а говорила уже так, как это делает профессор с кафедры, то есть смело, уверенно, тщательно проговаривая все слова. Говорила чисто, правильно и не междометиями, как сверст-

ники, и даже не отдельными словами, а целыми, законченными, осмысленными предложениями. Задавала уйму вопросов, мне на них отвечали всегда одно: «Вырастешь – узнаешь».

В тупик я ставила родителей своей любознательностью, неумной энергией и желанием жить. Находясь в моем обществе, они комплексовали, ругались и очень скоро разошлись. Я осталась с папой, а мама ушла к ювелиру. А еще до ювелира и до папы у нее была «первая школьная» любовь. Мама любила настоящего пожарника. Он был героем, ездил по городу в красной машине с выдвижной лестницей, доставал людей из горящих домов, а больше всего он любил маму. Пожарник огня не боялся, он смело входил в огонь и говорил волшебные слова: «Огонь, огонь, не ешь меня». И огонь его не трогал. А потом он взял и сгорел. Сгорел из-за любви к своей соседке. Забыл маму, забыл волшебные слова и сгорел.

И тогда уже мама нашла себе другого. Нашла моего папу. Папа курил, пил, но имел идеалы. Сейчас папа подрастерял идеалы, но он все еще верен себе. А это, по словам папы, для писателя самое главное, если писатель хочет оставаться писателем. А мой папа писатель, и он очень хочет остаться писателем. А пока он мало пишет и много пьет. Пьет, а потом плачет и говорит, что это от стыда. И все время просит у меня прощения. Я у него спросила: «Папа, это такая игра?». Я думала, что прощения просят для того, чтобы больше не де-

лать такого, за что тебе потом будет стыдно.

У взрослых, оказывается, все иначе. Папа неудачный писатель, но человек он очень хороший. Добрый, и меня любит «больше жизни». Я папу тоже люблю, но жизнь все же люблю больше. В жизни столько интересного, столько удивительного, столько всего. В жизни у меня и папа, и мама, и умершая бабушка, и сосед Андрюшка, хозяин огромной овчарки, и Чита, и дождь, и солнце, и даже враги. А как это так, всю эту огромную жизнь сделать меньше меня? У папы это получалось.

Жизнь у него действительно, была малоинтересная. Жил он на те деньги, которые мама ему давала на мое содержание. Как только она уходила, он делил деньги на две половинки и говорил: «Эта часть нам с тобой на еду, а эта часть мне на пропой». Я с ним не спорила. К еде я всегда относилась равнодушно, я могу неделями ничего не есть и буду сыта. Такая у меня «конституция», как говорит папа. А он все мечтал написать «настоящую книгу» и разбогатеть. Он говорил, что такая книга пишется лет пять-шесть, то есть столько, сколько я живу на свете. Это мне еще одну такую жизнь нужно было бы прожить, чтобы дождаться его «настоящей книги».

Я сказала ему:

– Пиши сказки. Сказки всем всегда нужны, с ними скорее станешь богатым и знаменитым.

– Нет. Сказка мне не по силам, – возразил папа. – Чтобы сказки писать... Проще солнце с неба достать.

Я поняла, что ему сочинять их трудно. А мне не трудно, я бы сочиняла и сочиняла. Сначала сочинила бы сказку о том, как мы папу излечили от пьянства. «Посадили его в стиральную машину и крутили три дня и три ночи, пока он не стал, как новенький. Затем вместе с ним в пещере у гномов достали самый красивый алмаз, а у рудокопов золото. И сделали такое красивое кольцо для мамы, что никакому ювелиру не снилось. И мама сразу от ювелира ушла и вернулась к папе. И мы втроем, вместе с Читой поехали на пароходе в путешествие вокруг Земли. А путешествие длилось круглый год, и на пароходе всегда было лето. Зима гналась за нами, а мы от нее убегали. А когда вернулись домой, то и дома уже было лето. И стали мы жить счастливо». Вот какие сказки сочиняю я каждый день, но никто об этом не знает.

Скоро я пойду в школу, и начнется для меня бессрочная каторга. Десять самых лучших лет будут выброшены из жизни. Так жила бы себе и жила беззаботно. И кто это только придумал, что человеку обязательно нужно ходить в школу и учиться? Тот, кто учится в школе, ни умнее, ни лучше не становится. А считать и писать можно выучиться и без уроков. В школе веселых и добрых детей превращают в умных и злых взрослых. Там кругом обман. Учителя говорят ученикам: «Не надо быть веселым и добрым – это в жизни не пригодится, а надо слушать учителей и все за ними повторять. И заставляют зубрить учебники. Говорят, что это при-

несет счастье. Но это счастья не приносит. Я это точно знаю. Не видела я ни одного школьника счастливым.

Папа говорит, что учатся для того, чтобы стать взрослыми. А если я не желаю быть взрослой? Среди взрослых я тоже счастливых не видела. Кто кричит, кто плачет, кто пьет водку и ходит потом по улицам, качается. Все мучаются. А зачем они стали взрослыми? Ведь от этого же все беды. Женятся, разводятся. Сами мучаются и мучают меня.

Мама, когда жила с нами, говорила, что пить и курить плохо, что курят и пьют только плохие, опустившиеся люди. Куда эти люди опустились, она не уточняла. На вид они были похожи на других и ходили по улицам, как и все нормальные. Сама же она вышла замуж за моего папу, который пил и курил. И когда я у нее спросила, зачем она вышла замуж за опустившегося, то она сначала разозлилась и сказала: «Посмотрю, какой у тебя будет», а потом сообразила, что говорит с «ребенком», который ничего не понимает и сказала: «У него тогда были идеалы, были достоинства, которые перевешивали табак и алкоголь».

Вскоре после этого разговора ювелир подарил маме кольцо с самоцветом, и в нашем доме был скандал. Папа кричал, плакал, пил водку, курил, а мама взяла чемоданы и ушла к ювелиру.

Меня ни о чем не спросили и даже слушать не захотели. Дети никому из взрослых не нужны. Взрослые заводят детей только для того, чтобы под старость было кому стакан воды

подать. А зачем им под старость стакан воды? Я не замечала, чтобы бабушка в старости пила воду. Все больше чай с молоком, да кефир. А простую воду – нет, не пила.

Если говорить правду, то и взрослые никому из детей не нужны. От них только одно беспокойство. Без них, надо признать, ни в зоопарк, ни в кино не пускают. Да и в магазине без взрослых ничего не продадут. А так они не нужны. Лучше всего мне тогда, когда в квартире остаюсь одна. Я бегаю, играю, придумываю себе разную необыкновенную жизнь. И мне хорошо, весело, словами этого не передать.

А больше всего, как говорит папа, «сильнее жизни», я люблю смеяться. Смеюсь всегда. Иногда вслух, иногда про себя. У меня легко и просто это получается. И всем, кроме мамы и папы мой смех нравится, не кажется дурацким. Они, наверное, думают, что я смеюсь над ними. Над тем, что они на жизнь свою махнули рукой. А зачем махнули? И почему над этим смеяться неприлично? Я думаю, что, если смешно, то можно смеяться. Если радостно, то нужно радоваться. А то стану, как папа и мама и их «бывшие друзья». Они не смеются даже тогда, когда очень смешно. Они разучились радоваться.

У меня своя жизнь. Я пока на нее не махнула рукой. А если говорить всю правду до конца, то я ребенком себя не считаю. Скорее, мои родители являются капризными, плаксивыми и беспомощными детьми. Они не знают, зачем живут и зачем им стоит жить. Через слово об этом говорят. А я

знаю, зачем живу и зачем мне стоит жить. Знаю, но им не говорю, чтобы не раздражать. И никогда при них я не называю себя взрослой, чтобы не насмешить до смерти. Хотят считать меня неразумным ребенком, пусть считают. Так спокойнее и им, и мне. А как оно на самом деле, вы знаете.

24. 12. 2008 г.

Афанасий Пузин

Я, Афанасий Пузин, простой, средний человек, без ярко выраженных индивидуальностей. Но, у меня есть собственное мнение и свой особый взгляд на всё. К вопросам брака и семьи я отношусь осторожно. Мне думается, что молодые, помимо чувств, не всё же им парить в эмпиреях, должны уметь твёрдо стоять на ногах. Должны уметь, в хорошем смысле слова, щёлкать пальцами на счётах. Это не то, что бы думать: «А сколько там, в кармане у мужа или жены?». Здесь смысл другой. Не в карман предлагаю заглядывать, а в мысли и в душу. И, прежде всего, в свою

Каждый должен искать свою дорогу в браке, в союзе с избранным человеком. Постоянно размышлять. А, удобно ли будет жене идти рядом со мной? Чем я могу ей помочь? И сможем ли вообще куда-либо идти, спустившись на землю с небес?

Думается мне, что такие вопросы влюблённые постоянно должны задавать друг другу. Мне видится, что несчастные браки, все, или почти что все, были заключены наспех. Не думали люди о том, о чём я сказал. Конечно, когда в руке её рука и тепло, растекается по телу, трудно сообразать, но оставшись наедине с самим собой, это сделать можно.

И ещё хочу дать совет – не читайте книг. Вот говорят, чтение развивает. Не верьте. Соседка читала с шести лет, испор-

тила зрение. Прочла тысячи книг, а всё равно осталась тёмной, неразговорчивой, глупой. Вот тебе и развитие. А я книг не читал, до всего дошёл своим умом и обо всём на свете умею рассуждать.

Вот для чего, к примеру, нужны сексологи? Всякие, понимаешь, сексопатологи? Знаете? Нет, не знаете. Они нужны для того, что бы учить людей жить с нелюбимыми и как-то, хоть как-то, вести с ними интимную, говоря по – научному, половую жизнь.

И все их таблетки, микстуры, то бишь, средства для потенции, всё для тех же неблагоприятных целей. Что бы как-то с нелюбимыми устроиваться. Вот вы знаете, к примеру, что в году одно лето, одна весна, одна осень и две зимы? Одна зима в начале, а другая в конце года. Какого? А ведь это ж открытие! До этого же додуматься надо. Никто не придёт и не скажет. В каких книгах об этом прочтёте? Да, ни в каких. Только своим умом дойти до этого можно.

А про соседей, моих, в каких книгах узнаете? О теперешних соседях веду речь. Тех, с кем делю коммуналку. Детей у них нет, живут что называется, для себя. Но, как живут? Вот это – да! Жить ведь тоже можно по – разному.

Он, как услышит слово «золото», сразу начинает крутить головой по сторонам и кричать: «Где? Где?». Он на золоте помешан. Если золото увидит, то всеми правдами – неправдами старается им завладеть. Или купить, или выменять, или украсть. Толстый, маленький, на глазах очки-линзы, плюс

четырнадцать, дальше носа даже в этих очках не видит, но машину имеет, катается на ней со скоростью двадцать км/час.

Жена у него такая же толстая, глупая и жадная, только без очков и на машине не ездит, боится. Эта врёт всем всегда, по нужде и без нужды. По радио скажут: «Московское время восемнадцать часов», переспросишь: «Сколько?». Скажет «восемь» и тут же сама с собой вслух рассуждает: «Магазин до семи, сейчас шесть, если поторопиться, то успею».

Жрёт, всё подряд, как поросёнок. При мне смешала грибной суп с прокисшим молочным и, не разогревая эту смесь, съела. Лопала холодный свиной жир без хлеба и запивала водой из-под крана. Не подумайте, что от бедности. У них не комната, а склад. Ковры, скрученные, в углах стоят. Вдоль стен ящики и коробки с нераспакованной новой мебелью и посудой. Всё про запас.

Сами спят на подстилках, как бобики.

Поживёшь с такими, затужишь. А вы говорите – книги. Где, в каких книгах, про таких написано? Там всё о высоком, далёком, возвышенном.

А жизнь – она не небеса. И мы в нашей жизни – не птицы. Мы – люди, человеки. Нам что-нибудь земное подавай.

1995 г.

Бабушка-старушка

Пошёл я в заводскую поликлинику, к терапевту. Попросил врача прописать матушке уколы. Церебролизин, если не ошибаюсь. Терапевт, приятная женщина, объяснила, что такие лекарства – прерогатива невропатолога. В заводской невропатолог болел, она меня направила в районную.

Встал я утром следующего дня, пошёл в районную поликлинику. К восьми часам, к открытию. Оказалось, зря так рано встал, невропатолог принимал с двух. Вернулся домой, поспал, а к двум часам поплёлся туда снова.

Вошёл, разделся в гардеробе, узнал в регистратуре, что к чему и иду к лестнице, чтобы подниматься. А у лифта, прямо на первом этаже, стоит старушка. Я ей улыбнулся.

– Мужчина, подождите. – Остановила она меня. – Со мной не подниметесь на третий?

– А вы одна боитесь?

– Я лёгкая, он меня не везёт.

– Неужели вы весите меньше двадцати пяти килограмм? –

Спросил я, входя вместе с ней в лифт.

Старушка ничего не ответила. Так, в молчании, до третьего этажа и доехали. Вскоре выяснилось, что и она к невропатологу. Пока сидели, дожидались очереди, она рассказала случай из своей жизни.

– Хоть плачь, хоть смейся, – говорила старушка, – такая

история со мной произошла. Поехала я к подруге в Ногинск. Было мне тогда сорок лет и не очень с мужчинами везло. А тут, иду мимо поля, стемнело уже, выходят из-за кустов двое и прямо мне нож показывают. Жить хочешь, говорят, иди с нами. Думаю, зарежут ещё, испугалась.

Повели в кусты. Один дежурить остался, смотреть, чтоб не шёл никто, а другой, что с ножом был, говорит: «Если жить хочешь, снимай штаны». Я не знаю, шутит или нет, а вдруг нет. Слушаюсь. Жить то хочется. Он тоже разобрался, навалился на меня и засопел.

Может минута, может, другая прошла, я о страхе забыла. И так, знаете, стало мне хорошо, что обняла я мерзавца обеими руками и стала его целовать. Прижимаю к себе, осыпаю лицо поцелуями, а он испугался. Стал визжать, как резаный поросёнок, кричать благим матом.

Плачет, умоляет: «Тётенька, отпусти. Честное слово больше не буду!». Тот, что в сторонке стоял, дежурил, как услышал крики, так пустился наутёк. Прямо по полю, по колдобинам. Боюсь, бедняжка в темноте ноги себе переломал. И тот, что с ножом, ухажёр мой сладкий, тоже поднялся и бежать, как ошпаренный.

А я полежала, помечтала, думаю вот ведь ребята какие пугливые. Встала, отряхнулась и пошла своей дорогой. Как говорится, хочешь плачь, а хочешь смейся.

Старушку слушал я внимательно, её сказка мне понравилась. Но про себя решил, что в лифте с ней больше не поеду.

1995 z.

Баловство

В деревенский дом старика Алфимова прибежал сосед, Владлен Локотков. Постучался и тот час вошёл, хозяин не успел даже сказать «входите». Этот Локотков всю сознательную жизнь, если точнее, шестьдесят восемь лет, прожил в городе и, вдруг, разом бросив всё, перебрался на постоянное место жительства в деревню.

Поселился в доме, купленном у Выходцевых, жил отшельником, ни с кем не знался. Зимой и летом ходил в кедах. Всё хозяйство – радиоприемник.

– Ой, сосед, горе какое, – заголосил Владлен с порога, – у Джорджа Клуни, американского актёра, умер поросенок! Как услышал, у меня чуть сердце не остановилось. Чуть было удар не хватил.

– И в самом деле, беда. Как же он его прозевал? Почему вовремя не заколол? Он у него что, хворал? Больной был?

– Что ты такое говоришь? Поросенок от старости умер, в восемнадцать лет. Это для людей, всё одно, что девяносто девять. Они с поросёнком жили вместе, душа в душу, а тут он, возьми, да и умри. Я в последний раз так убивался, когда погибла принцесса Диана.

– Это понятно. Не понятно одно. В слона, что ли, твой Луня, поросенка откормить хотел? Или на племя берёг? Зачем восемнадцать лет нужно было на борова добро переводить?

– С кем говорю! Поросёнок – другом ему был, а не куском мяса. Джордж спал с ним в одной постели, делился переживаниями. Кому я это говорю!

Владлен закрыл лицо руками и горько заплакал.

– Что ж это, у него ни детей, ни семьи не было? – Стараясь, как то, утешить соседа спросил хозяин дома, и тут же, словно опомнившись, прибавил в сердцах, – хотя какие дети, если не с бабой, а с поросенком спал.

– Да, ты пойми... Ну, как тебе объяснить? – Завопил, уязвлённый человеческой глупостью и человеческим же жестокосердием, Локотков. – Поросёнок был для него дороже отца с матерью! Дороже всех на свете!

Алфимов от этих слов, расхохотался так, как это делал только в молодости. И хохотал долго, чуть ли ни с минуту. Успокоившись, благодарный Будимиру за то, что он сумел его так рассмешить, тихо и ласково, сказал:

– Этого ты мне объяснить никогда не сможешь. Даже не пытайся. Мы живём по-другому. Для нас поросёнок – кормилец. Забьём его, живём целый год с мясом, а когда околает внезапно, свалится от хворобы, тогда кукуй. Сиди весь год на картошке с капустой. Вот и весь сказ. А то, что задницу пороссятам в Америке целуют, об этом я слышал. Хоть и в глухой деревне живу, но и до нас слухи доходят. Ну, чего хорошего в этом, Владлен? Признайся. Баловство одно.

6.12.2006 г.

Беседы в женской бане

Раскрасневшись, разомлев после парилки, женщины отдыхали в просторном предбаннике. Одни сидели, обернувшись простынёй, другие, накинув на плечи полотенце. Некоторые, отдыхая, предпочитали оставаться нагими. Пили чай из термоса, молоко из пакета, пиво и даже кое-что покрепче.

Между ними происходил неспешный, совсем не обязательный, но очень доверительный разговор.

– Хотелось ходить в шляпках с вуалью, в кружевах, спать на шелковых простынях, иметь украшения из золота и драгоценных камней. – говорила женщина «Из бывших». – Мечтала встретить настоящего мужчину. Остроумного, веселого. Чтобы в нем была бездна, неиссякаемый источник юмора. Пусть он даже был бы в преклонном возрасте. Это даже было бы предпочтительней. Он бы подошел ко мне и сказал: «Станьте опорой моей старости, разделите со мной радости и огорчения жизни». Понимаете, покоя хочется, эдакого спокойного старичка. Уж слишком натерпелась я от молодых, да беспокойных.

Влюбчивая была. Влюбилась в игрока. Был он человеком азартным, беспокойным. Карты, бега, лотерея, страсть, ревность, долги, преступления. Все он куда-то спешил, куда-то торопился. Пешком не ходил даже в туалет, все время бегом. Бегал по улицам, по квартирам, по постелям, по головам. Я

понять не могла, куда он торопится? А, оказывается, он спешил на тот свет.

В детстве я была необыкновенно красива. В нашем рабочем посёлке меня так и звали – Принцесса. А как только чуть-чуть подросла, что вокруг меня началось! Появилось много поклонников. Со мной стали говорить по-другому, не так, как со всеми. На меня стали смотреть по-другому, не так, как на всех. Мне стали дарить цветы. За мной стали ухаживать. Ухаживали молодые и старые, красавцы и уроды, принцы и нищие. Какие комплименты я слышала! Герои посвящали мне свои подвиги, подонки и негодяи – свои предательства и мерзости. Музыканты играли на скрипках, филателисты дарили мне редкие марки.

Каждый хотел услужить. Сосед-инвалид, будучи хромым и одноруким, выращивал для меня на своем подоконнике алую розу. Сочинял наивные, но при этом замечательные, искренние стихи. Появились первые женихи. Молодой, красивый, военный. Ухаживая, все втолковывал мне о том, что отвечает за людей, а те в армию приходят с гражданки слабые, неподготовленные. Говорил, что будет верным мужем. Я бы за него пошла, ей-богу, пошла бы, да уехал он на неделю в командировку, по своим военным делам, а там его и убили.

После военного руку и сердце предлагал профессор физик. От него узнала, что скорость света, представляете, триста тысяч километров в секунду, и, по словам Эйнштейна, она была конечна, но ученые в Принстоне, пропустив через

сверхохлажденный цезий лазерный луч, достигли такой скорости, которая была быстрее скорости света, что противоречит второму постулату теории относительности Эйнштейна.

Я смеялась над ним, говорила: «Хотите понять устройство мироздания, читайте Библию». Не слушал. По поводу второго постулата объяснил, что полторы тысячи лет, если совсем точно, то тысячу шестьсот лет мы жили по понятиям о вселенной, открытым Птолемеем, затем триста лет жили по системе, рассчитанной Ньютоном, а с 1905 года живем по научной системе Эйнштейна, по теории относительности. Вообще-то их две. Это мне тоже он рассказал. Я бы своим умом не додумалась. Две. Общая и специальная. Общая, как ни странно, сложнее специальной и позволяет строить модели вселенной. От него же. Не от Эйнштейна, а от профессора своего я узнала, что в 1920 году Сан Саныч Фридман рассчитал и доказал, что пространство и время, то есть наша вселенная, возникла из точки максимальной плотности. Она взорвалась и распалась на элементарные частицы. Стала потихоньку остывать, складываться в молекулы и атомы, создавая, таким образом, наш многообразный мир. Что, скучно? Вот и я все слушала, слушала, и решила, что мне скучно. Профессор меня любил, но еще сильнее любил он свою науку. И я сказала ему, чтобы ехал он в свой Принстон, там искал своего счастья.

Затем ко мне посватался певец контр-тенор. Пел фальцетом, исполнял женские партии в шуточных спектаклях. Об-

ладал всеми теми качествами, которые я ненавижу в мужчинах. Когда наступили «лихие года», то певца из театра выгнали, и бандиты назначили его директором магазина по продаже кожаных изделий. У него история развития кожаных изделий начиналась со слов Бытия: «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их». То есть подразумевалось, что коль скоро из Рая, понимай, из театра, выгнали, то ходить надо только в кожаных изделиях. «Ходить в коже, жить широко, щедро, – повторял он чужую глупость, как самые мудрые слова, – это на данный момент правильный тон, высокие манеры».

Бывало, как выйдешь во двор, у подъезда его машина стоит, и он рядом. Зазывает в ресторан. Обещал подарить колечко с бриллиантом. Говорил, что уже купил. Да, все никак, во время встреч, колечка с ним не оказывалось. Так и не передал. Застрелили его прямо в машине, а вместе с ним и девушку, сидевшую рядом. Я тогда подумала: «А ведь на ее месте могла бы оказаться я». И стало страшно.

Красота – беспокойная штука. Брат родной, играясь, покоя не давал. Под видом борьбы, тискал. Подглядывал за мной, когда мылась. Да, и отец проявлял нездоровый интерес. Мать ревновала, устраивала скандалы, закатывала истерики. Таким образом организовала время моего обучения и досуга, что дома я практически не появлялась. Тем внимательнее становились их взгляды, тем сильнее увивались они вокруг меня, в те короткие отрезки времени, когда мы

встречались. Отец с матерью развёлся из за любви ко мне. На прощание завёз в березовую рощу, где сквозь листья зелененькие пробивалось лучами слепящее солнце. Я, как мертвая, подставляла свое бесчувственное лицо, под его холодные, прощальные поцелуи. Он уехал далеко на север, бежал. Но, напоследок, все же попросил у меня в той роще: «Раздаться. Дай, на прощание, я на тебя полюбуюсь.». Я сказала: «А не ослепнешь?». Он извинился, уехал, и с тех пор ни весточки.

Не знаю, жив ли, нет ли. Я тогда училась в математической школе. Там настолько любили цифры, что даже классы отличали не по буквам, а по цифрам. Не первый «А», а первый «Первый». Не первый «Б», а первый «Второй». Тяжело в этой школе математической было, но лучше, чем в той, что до нее. В так называемой «средней». Там училось много девтвора, было пять первых классов, пять вторых, и так далее. Учиться приходилось в две смены. Зимой хорошо по утрам, можно выспаться, но вот учиться зимой, во вторую-третью смену просто не вмогуту. На улице тьма кромешная, а ты только в школу идешь.

– Я видела сегодня сон. Саму себя танцующую с бутербродом в руках. – Перебила её «Обезжиренная», худошавая женщина с длинным носом. – Звучала настоящая музыка. Повторяю, настоящая, а не какая-нибудь там инструментальная истерика. И я одна в пустом зале кружусь в вальсе, с бутербродом в руках. И счастливее меня не было никого. Бу-

терброды во сне мне заменяли кавалеров. Они были огромные, с человеческий рост, с руками, с ногами, они улыбались, они со мной разговаривали. Кавалер сменял кавалера. Бутерброд с бужениной сменял бутерброд с колбасой... С салом, с сыром, с красной икрой. У меня от этих танцев кружилась голова. От них исходили такие ароматы, они так влекли к себе, что я каждому признавалась в любви. Я от них ничего не скрывала. Я говорила, что готова съесть каждого, но они позволяли себя только целовать. О, что это был за бал! Как жаль, что такое бывает только во сне.

– А я счастье нашла буквально под ногами, на дороге лежало. – Заговорила женщина «Практичная». – Все проходят мимо, никто не замечает. Например, книги я не покупаю. Зайду в магазин, и читаю, какая понравится. В зоомагазин забегу, посмотрю на зверюшек. И не надо дома держать, кормить, ухаживать. В переходе музыкантов послушаю, и не надо платить за концерт. А потом куплю себе легонького вина, конфет, белую розу, приду домой и мечтаю. А что еще человеку нужно для счастья? Я счастливая.

Так жила я, купаясь в счастье своем до тех пор, пока не пустила к себе жильца. Попутал лукавый, захотелось легких денег, сдала свободную комнату старому чёрту. Он жизнь мою превратил в ад. Думала, общаться будем, беседовать за чаем. Какой там, он со мной не разговаривает. Позавтракает и на бульвар. В шахматы там на деньги дуется. А поздно вечером придет и на выигранные деньги купит водку и ке-

фир. Выпьет и спать. И если бы спал, так нет же. Поверите, нет ли, но понравилась ему моя грудь. И этот старый ловелас каждую ночь, пользуясь тем, что комната, в которой я сплю, не запирается, приходит и трогает меня за грудь, думая, что я сплю. А я, во-первых, не сплю, как тут можно заснуть, а во-вторых, послушайте, как все это происходит. Он крадется ко мне на цыпочках, боясь разбудить, и я боюсь пошевелиться, показать, что не сплю. А потом, мысли же всякие в голову лезут: а может, он с бритвой в руках идет, или идет душить или насиловать? Я же одинокая, беззащитная, со мной можно сделать в такой ситуации всё что угодно. Но он только грудь трогает, и то одним пальцем, тихонько, чтобы не разбудить, а потом в обратный путь, так же, на цыпочках. Я с ним не высыпаюсь, и не знаю, как прекратить все это безобразие.

Смотрела свой альбом со старыми фотографиями и прожила с ним вместе жизнь заново. От колыбели, первой влюбленности до настоящих дней. В нем только последней фотографии не хватает, но ее вклеят уже без меня. Не догадываетесь? Да. Не хватает фотографии могильной плиты.

– Не знаю, как у вас, но у меня очень много достоинств. – Вступила в разговор «Старушка». – Я, например, знаю, как можно дешево похоронить. Спрашивайте о чем угодно – отвечу, так как хочу принести пользу, ибо помышления сердец человеческих для меня открыты. Я и внучку свою учила, говорила ей: «Когда тебя целуют, не стой соленым столбом. Одной рукой обними мужичка за шею, прижми к себе,

а другой снизу, за „бубеньчики“ легонько тронь, и зазвенит твой любезный, зажжется».

– А я, когда ходила со своей бабушкой в Парк культуры и отдыха, то каталась на колесе обозрения. – Заговорила «Внучка». – Его почему-то называют «чертовым». Я еще подумала, если у черта на велосипеде такие большие колеса, то какой же он сам должен быть. Я не папина и не мамина, я бабушкина. Она меня с пеленок растила, и сорок лет за мной ходила, как за инвалидом. Готовила, убиралась за мной. Насилу я от нее замуж вышла. А как вышла, бабушка сразу отдала Богу душу.

Пошла я в Храм, чтобы панихиду заказать, и удивительно хороший день выдался. Хотя погода была неважная, дождь противный моросил, люди хмурые бегали, а на душе было легко, благостно. Шла по переходу и остановилась, засмотрелась на то, как лепестки от роз заметают веником. Метут, как мусор. Продавщица цветочного магазинчика, находящегося в переходе, мела. Что-то в этом было трогательное. Продавщица бросила убираться, поинтересовалась, не нужно ли мне цветов. Потом посмотрела на меня, на гору лепестков и сказала: «Хотите, возьмите себе». Я поблагодарила и пошла своей дорогой.

Зашла в Храм, там ко мне сразу подошла девочка, дочка церковной служки, пожаловалась на то, что стержня нет в ручке, положенной для написания записочек. Скучно ей было одной в полупустом храме. Я дала ей шариковую ручку,

и она тотчас принялась на чистом листке рисовать цветок. Как ни странно, тоже розу. Стол был для нее высок, ей приходилось стоять на цыпочках. Она мне на это пожаловалась. «Не беда, – постаралась я ее успокоить, – скоро вырастешь, так еще наклоняться придется». «Да. Вырасту и наклоняться придется», – сама себя утешая и уговаривая, повторяла девочка. Так в этот день я панихиду и не заказала. Развлекла меня девочка, развеяла грустные мысли.

– Беспокойное наследство досталось мне от родителей. – Перебила её «Завистница». – Кому в наследство достается дом, кому квартира, кому – капитал. А мне по наследству передалась от родителей зависть. Странное наследство. Сколько помню себя, всем всегда завидовала. Мать, и отец завидовали другим – я над ними смеялась, а сама за собой не замечая, так же завидовала. Говорят, у завидующих людей нет друзей. Наоборот. Весь мир – мои друзья. Нас абсолютное большинство, больше, чем индусов и китайцев, вместе взятых. Мы – та сила, которая двигает саму жизнь, прогресс, науку. Без нас земля бы не вращалась.

– Послушайте, – сказала «Поэтесса», – какие я стихи сочинила:

«Вот и кончился мой бабий век,
Сорок лет – одинокая баба.
Где же ты, мой родной человек,
Мой принц золотой, моя награда?
Я ждала тебя ночью и днем,

Нету веры, любви. Есть усталость.

Или так:

Выла, плакала, пела, смеялась

Вот:

Где же ты, мой родной человек?

Лишь надежда на чудо осталась.

Правда, здорово? Да? Нет? Не здорово? У меня на самом деле все есть. И семья, и дети, и дом – полная чаша. И даже принц золотой. По-моему, даже не один. Спросите: зачем мне это? Сама не знаю. Хочется пострадать. Пожалеть иной раз себя очень хочется.

– А я с семьей своей, с дочкой и мамкой, живу в одной комнате, в коммуналке. – Сказала «Распутница», засмеявшись. – По выходным, раз в неделю, привожу к себе мужика. Мать с дочкой выпроваживаю из комнаты, пока мужик моется, стелю постель. А у нас из ванной выходят два окна, на кухню и в уборную. Ванная комната получается, как бы проходной для дневного света. Вот в эти окна дочь из туалета, а мать с кухни, за мужиком и наблюдают. Подглядывают. Бывало, мужик заметит, что на него изо всех окон смотрят, и с криком убегает. Но чаще привожу таких, как бы точнее охарактеризовать, – не нервных. Таких, которым повышенное внимание к их скромной персоне нравится.

Приходят в комнату, со смехом об этом рассказывают.

Я матери с дочкой ничего не говорю, не ругаю. Во-первых, бессмысленно, во-вторых, должны же они получить хоть какую-нибудь компенсацию за неудобства, связанные с изгнанием из собственной комнаты. Бывает, неделю другую никого не приводишь, они уже скучают. Интересы то у них какие? Мать уже старенькая, ей все время спать хочется, дочь на улице пропадает и днем и ночью, неизвестно, чем занимается.

Так и живём, песни поем, надеемся на лучшее, ждем хороших новостей.

2008 г.

Болгарочка

Ваня Иванова, черноглазый бесенок из Варны. Сама была, как мальчишка и научила меня играть в игру под названием «Сорванец». Это игра в кости. Играют две белые и одна черная, после броска из суммы белых костей вычитается число, выпавшее в черной кости. Мне кажется, она сама придумала эту игру. Большая была выдумщица. С ней было забавно.

Когда в первый раз я ее раздевал, она на нервной почве говорила мне такие слова: «Срамная баба кричала мне вслед, задирала свои юбки и звала меня в канаву». Уверяла, что сие творчество принадлежит перу русского поэта Александра Блока.

Солнечные зайчики наполняли ее маленькую комнату беспокойным светом. Нам было хорошо вдвоем.

А еще у нее все было расшито бисером – и кошелек, и сумочка, и даже нижнее белье. Научила меня древнему искусству счета на пальцах. Это не то, чтоб досчитать до десяти. На пальцах я теперь умею и девять тысяч показать. Другое дело, что вы не поймете, да и мне в быту ни к чему такая мудрость. Это тоже была игра. Одна из многочисленных любовных игр, которыми она владела.

Была она большой любительницей всего индийского. Песен, танцев. Иной раз сама надевала и носила сари. Готовила пряные индийские кушанья. Неугомонная была. Сразу, как

только познакомились, дала мне задание подыскать ей квартиру с высокими потолками в центре города.

По профессии Ваня была танцовщицей. Чтобы не поправляться, вместо сахара в чай все какие-то таблетки бросала.

Танцевала для меня в неглиже умирающего лебедя. Понял я в ту ночь бессмертную музыку Чайковского. Понял и полюбил. А, с Ваней Ивановой из города Варны, так и неподыскавшей себе квартиры в центре Москвы, вскоре расстался. Уехала, Ваня домой.

2000 г.

Болтушка

Ксения Бусько была умная, богатая, красивая, но при всем притом, глубоко несчастная в личной жизни женщина. Какое-то время мы вместе работали и даже жили. Жили так, как живут соседи в коммунальной квартире – была общая кухня.

По утрам Ксюша была сама собой, естественной, томной, приятно было смотреть на нее, не защищённую косметикой и нарядами. И потом, по утрам она была молчалива. Молча, сварит кофе, сделает бутерброд и уйдет. А по вечерам, словно бес в нее вселялся, болтала, не умолкая. Принималась рассказывать о своих женихах.

То, это преследующий ее везде и всюду моторист со спецкатера премьер-министра, где она была в качестве приглашенной переводчицы и познакомилась с ним. Будто этот моторист ей звонит, поджидает на улице, а она уже, что только не перепробовала, чтобы он от нее отстал. Говорила, что замужем, что дети есть – не помогло. Просила брата позвонить мотористу, тот звонил, разговаривал с ним, все напрасно. Она уже и с психологом своим о мотористе беседовала.

Слушал я Ксюшу, а про себя думал: «Либо все это выдумка, либо ты сама сумасшедшая. Ведь к здоровым людям психи не пристают. Психи ищут таких же ненормальных».

То, это какой-то владелец приисков, который настолько

богат, что его не интересует сколько, что стоит в цифрах. Требуется, чтобы с помощью пальцев ему показали толщину денежной стопки. Тоже, на мой взгляд, выдумка.

Итак, слетая с ее языка, проходили передо мной бесконечной чередой тысячи Ксюшиных знакомых. И все приговаривала при этом: «Ты только не подумай. У меня с ними ни с кем ничего не было».

Говорила:

– Мы с тобой друзья, – и тут же поясняла, – но если будешь себя хорошо вести, то со временем...

И не договаривала. Дескать, додумайся сам. И я додумался: «Хорошо себя вести» – это у Ксюши означало – помогать.

Я, конечно, все видел, понимал ее переживания, связанные с тем, что я к ней «не лезу». Понимал, но предпочитал придерживаться проверенной тактики, то есть держаться на расстоянии от коллег по работе. А в быту мы были добрыми соседями, хорошими друзьями. А если быть предельно откровенным, скажу так. Поменьше бы болтала про бесчисленные знакомства, глядишь, давно бы получила, чего хотела. А то рассказывает:

– Подруга шла ночью по городу, подъехал пьяный милиционер на «козлике», предложил подвезти ее. А у подруги пять лет никого не было, и в ту же ночь она милиционеру отдалась. И вот с тех пор подруга всячески подкупает милиционера, за уши тянет под венец. А тот упирается. Обещала,

если он к ней приедет, на Новый год подарить ему новую стереосистему. Не приехал. Так теперь у нее в квартире стоят две стереосистемы. Покупала ему однокомнатную квартиру, не польстился, соблазняет теперь трехкомнатной.

Удивлялся я в этом Ксюшином рассказе двум вещам. Во-первых, тому, насколько же глупой должна была быть ее подруга, предлагая все эти «коврижки» за то, чего, в принципе ни покупать, ни продавать нельзя. А во-вторых, тому, какие, оказывается, есть у нас капризные и привередливые милиционеры.

И от всех этих ее бесконечных басен у меня шла кругом голова. Я не хотел, не желал ничего подобного слушать, а она все рассказывала и рассказывала мне о своих похождениях и о похождениях подруг.

– Пора рожать, – как-то сказала мне Ксюша, – и совсем необязательно при этом замуж идти.

– Да, – говорю, – но чаще всего интересным положением и приневоливают к женитьбе.

– Не очень-то вас, мужиков, этим приневолишь.

Я подумал и согласился с ней. В этом, возможно, была она права.

Все у Ксении было: красота, богатство, положение в обществе, интеллект, даже чувство юмора. В ее арсенале имелась тысяча басен и столько же побасенок, но, к сожалению, не было ни одной душевной истории, за которую можно было бы ее полюбить.

А так бы я сдался. Даже с удовольствием.

2000 г.

Будем радоваться

К художнику Золотокопытину подошёл сосед Карпов и, краснея, сообщил:

– Антон Анисимович, ваша жена, Катерина Васильевна, вам изменяет. Кавалера её зовут Сергей Любомудров, молодой парень, наш новый водопроводчик.

– Молодец, – пожимая руку доносчику, сказал художник.

– Да, я по дружески, по соседски, – с соболезнованием в голосе, зашептал Карпов.

– Я говорю, какой молодец этот Любомудров. Мою работу делает. Я конечно перед женой виноват. Весь в работе, в замыслах. Да, ещё и подхалтурить надо, денежку заработать, что бы семью содержать. А на Катеньку ни сил, ни времени не остаётся. И какая же она умница. Чтобы не скандалить, не трепать мне нервы нашла выход из положения. Насладились с водопроводчиком, и должно быть уснула после этого сладким сном. Проказница.

– Да, вы что? Глумитесь?

– Ничуть. Вот вы, Олег Андреевич, и сами жену не ласкаете и строго следите за тем, чтобы её со стороны никто не приласкал. Поэтому у вас в семье бесконечные ссоры. Жизнь друг другу омрачаете. Но, вернёмся к моей семье. Конечно случившееся не норма, а исключение. Но относиться к этому надо философски. У нас, у мужчин, великие замыслы,

мечтаем мир спасти, никак не меньше. За реализацией этих замыслов частенько забываем жену поцеловать. А ведь это смысл жизни любой женщины – быть целованной. Она и вам, ручаюсь, не раз приглашения делала. Вот почему вы так возмущены? Отчего с таким трепетом о измене моей жены сообщаете? Вы, наверное, и сами были бы не против оказаться на месте Сергея Любомудрова. Совесть помешала. Передо мной неудобно. Да, и перед своей женой стыдно. Жизнь, милейший Олег Андреевич, так сложна, из таких противоречий соткана. А семейная в особенности. Так, что я давно для себя решил. Чтобы ни случилось, буду всё встречать с пониманием. Всё прощать. Запрещать-то всё одно бессмысленно. Злиться, кричать – глупо. Только людей смешить. Так, что будем радоваться. И за жену, и за водопроводчика Любомудрова, и за себя, совестливых и находчивых.

Золотокопытин приобнял на прощание Карпова и отправился к семье.

– Как то это не по-русски, – Сказал Олег Андреевич ему в след. – Мир меняется, и люди становятся непредсказуемыми.

2012 г.

Бунтарь

Днем я спал, ночью бодрствовал. В будни отдыхал, в праздники работал. Зимой ходил в летней одежде, а летом в зимней. Ненавидел любую власть и презирал все мыслимые и немыслимые законы.

Моей любви искали умные, богатые, красивые женщины. Но я, всем наперекор, женился на нищей, уродливой дуре. С ней было невозможно прожить и одного дня. Я же заставил себя жить с ней в течение десяти лет. До тех пор, пока сама меня не бросила.

Все всегда я делал наперекор. Черное называл белым, белое черным. За добро платил злом, а за зло, чтоб не быть последовательным, и чтобы враги не смогли понять моей логики, еще большим злом.

И теперь я задаю себе только один вопрос. Зачем так глупо, так бездарно я прожил свою жизнь? Почему все делал шиворот навыворот? Нет, идея, конечно, красивая, быть революционером. Но зачем мне, все это было нужно? На что, потратил я лучшие годы свои? Мечтал прокричать на весь мир: «Бунтуйте!»». Все это глупо. Но, годы уже не вернуть.

1995 г.

Бытовуха

Участковый Кондрашин разбирает дело соседей, подавших друг на друга жалобу. Опрашивал одного из потерпевших.

– Как было дело, Сергей? – Спросил он Гусева.

– Ко мне пришел Прошкин и стал звать на улицу. Якобы машину помочь отремонтировать, а на самом деле водки хлебнуть. А моя с ним сцепилась. Говорит, у Сергея и дома дел хватает, никуда его не пущу. И тут произошло интересное. Слушаю я, как они спорят, и вдруг вижу, на моих глазах, они превращаются в чертей. То есть самым натуральным образом. На голове рога растут, говорят на своем, лукавом языке.

– Опустим мистику. Из-за чего вышел спор, перешедший в драку?

– То-то и оно. Сосед говорит моей жене: «Я погублю этого праведника». А она ему: «Нет. Я погублю». И на меня смотрят. Ну, и чего мне было ждать? Схватил сковороду, что под руку попало, и кинулся, жизнь спасать. Помирать – кому ж охота?

– Чего вы только, алкоголики, не придумаете.

– Истинный Бог, Сергей Сергеич, так все и было.

1995 г.

Валентины

В моей молодой бесшабашной жизни, оставили след три Валентины.

В Вале Тихомировой было что-то от годов пятидесятих. И лицо, и тело, и манера одеваться. Может, мать пародировала, может, бабуку. Но ей это шло. Лицо было простое, без прикрас. И лоб, и нос, и губы – всё обыкновенное. А вот глаза! В них находилось то самое ретро. Сам взгляд был приветом из тех времён. Ну, и, конечно, причёска. Две косички без лент, спадающие на лацканы пиджака, очень напоминающего мужской, перелицованный. И юбочка строгая, и туфельки строгие. Самые обычные. И говорила просто, без затей. И жила бесхитростно. Без двойного дна, вся, как на ладони. Ясная.

Дома фикус, огромный, в кадучке. Листья блестящие, словно маслом растительным натёртые. Сантиметров по двадцать каждый. Круглый стол, матерчатая скатерть, пол дощатый. Обычные широкие доски, выкрашенные в жёлто-оранжево-коричневый цвет. На стене фотографии родни. Стулья деревянные старинные. Но, прочные, сто лет ещё прослужат.

С ней было просто. Всё просто. Она была, как воздух, к которому привыкаешь и перестаёшь замечать. К ней всегда, в любое время, в любом виде можно было прийти. И приютит, и накормит, и денег на дорогу даст. Бессловес-

ная была. Жилы не тянула, признания не вымогала. Не говорила: «А, помнишь? Ах, не помнишь! Так, я тебе напомним». Умница. На таких стояла и стоит Россия.

Пришёл к ней как-то, а она беременная.

– Мой? – С испугом и тайным трепетом, спросил я.

– Ну, тебя же не было, – как-то кротко ответила она.

И я успокоился, повеселел. Выпил, покушал, переночевал и ушёл, не прощаясь. Больше к ней не ходил.

И было ещё две Вали. Причём встречался с ними одновременно.

Валентина Владимировна Мах, когда-то была моей учительницей химии. Страстная была до безумия, искала меня повсюду и, как ни странно, находила.

И Валя Колесникова, так же со школой связанная. Ученица выпускного класса. Я к ней долго не прикасался, держал на расстоянии. Она мне по этому поводу даже истерики закатывала. Дескать: «Не любишь».

Знакомство с Колесниковой было романтическим. Я в тот день был сильно пьян и как там в сказке? На больного льва даже шакал нападает? Так вот, шакал был не один. Шакалов было много. Обычная шпана, подвыпили, раздухарились, а тут навстречу я – «тепленький». Ну, и слово за слово. Понеслось. Руки у меня ватные, ноги ватные, свалили с ног и били. Тут и появилась моя спасительница – вступилась.

Шпана оценила девичий порыв. А, может сами испугались того, что делают. В общем, отстали. Помогла мне Валя

встать, дойти до дома. Помогла помыться, покормила. Помню, все лицо зеленкой измазала, раны прижигала. После этого с неделю носа на улицу не мог показать. Зеленый был, как Фантомас.

Хорошее было время, приятно вспоминать.

2002 г.

Великан

– Говоришь, делать добрые дела. А с чего начать?

– С мысли. Сначала подумай о том, что хочешь помочь.

Не для выгоды. Не для славы. Не себе – вот главные слова.

И Бог даст силы сделать доброе дело.

– Помыслить? Не глупо. Но как ты к этому пришёл? Когда?

– В юности. Сон видел. Чёрная пустыня бескрайняя, холод, ветер и на всём этом пространстве, как тени, толпы мечущихся людей. Напуганные, в лохмотьях. Один из них подбегает ко мне и говорит: «Надо бежать. Тьма сгущается. Это не туча. Это летит огромная чёрная птица, которая склёвывает всё, что движется». Я рассмеялся. «Наоборот, – говорю, – надо стоять на своём месте». «Как не бежать? Страшно.» – твердит он своё. «Так склюёт же? – Недоумеваю я. – Ты же это знаешь!». «Все это знают. Но невыносимо. Понимая, что глупо, все пытаются скрыться бегством. Для того, чтобы выстоять, нужно иметь стержень. А у оказавшихся здесь стержня нет. Поэтому бегаем и нас склёвывают». «Бедные, – подумал я, – надо, за них заступиться. Помочь». И только так подумал, стал расти и, прямо на глазах, превращаться в великана. И зловещая птица из монстра превратилась в безобидного воробушка, испугавшегося взмаха моей руки. Стоило только подумать о том, что сделаю доброе де-

ло, как оно уже сделалось. Так и в жизни всё происходит.
С Божьей помощью всё просто.

2010 г.

Взросление

В ранней юности была у меня любовь, звали Агния. Я, конечно, все больше тогда в киноактрис влюблялся, но они небожители, были далеко, а эта рядом. Работала мастером в парикмахерской. Я ходил подстригаться только к ней и втайне мечтал о взаимности. Работала она, то вечером, то утром, то с двух, то с девяти.

Меня уже знали. Пришел как-то утром, говорят: «Твоя после двух». Пришел вечером, говорят: «Раздевайся, садись, сейчас подойдет». А сами между собой щебечут о ней, о моей возлюбленной.

«Сходи, позови Агнию, – говорит одна другой, – стоит на ветру, в такую холодину и все болтает. Да, было б с кем, с Илюшкой».

Так в тот день она ко мне и не подошла, стричь стала другая. Я сказал, чтобы сняли немного. А через неделю опять в парикмахерскую прибежал, к своей.

Застрекотали ножницы над моей макушкой, сердце колотится, сижу, ни жив, ни мертв. Никого нет, только мы вдвоем. Я и она. Ну, думаю, сейчас объяснюсь, приглашу на свидание.

И вдруг приходит парень. Не раздеваясь, садится в свободное кресло и просит у нее денег. Да так, будто право на это имеет. Машина у него сломалась, а ему на ней на-

до в институт. Моим присутствием не смущаются, ни он, ни она.

А далее и вовсе, взял, да и вынес, искреннему чувству моему, смертельный приговор. Спросил:

– Может, у Кольки взять? До вечера. Вечером отдам.

– Сам ему и звони, – ответила Агния.

– Да, как же ты не понимаешь, – закричал на нее парень, – я с мужем твоим не могу говорить.

«Вот, – думаю, – и вся любовь».

Она подстригла, я расплатился и скорее на воздух.

Казалось, свет белый для меня померк. Последний день живу. Ан, ничего, прошло, зарубцевалось. Она и не узнала о моей любви. А я повзрослел.

2000 г.

Влияния

– Охо-хо, – произнес Огольцов.

– Что такое? – поинтересовался Щукин.

– Со мной происходит что-то ужасное. Одновременно возникло несколько проблем. От которых не уйти, не спрятаться.

– Все не вовремя, ни к месту? Руки опускаются? Это влияние Плутона.

– А может, кризис среднего возраста? Мне вчера стукнуло сорок лет.

– Тогда это влияние Урана! Точно, точно. Планета долго копит обиду на человека, не понимающего ее проявлений и, естественно, жестоко наказывает его. Причем, делает это всегда внезапно, используя свои, уранистические, механизмы.

– Ох уж эти, иронистические, механизмы. Но ничего, ирония иронией, но смеется хорошо только тот, кто свои сорок лет переживет. Правильно?

– Правильно. В сорок лет человек должен или более активно использовать накопленный опыт, либо совершенно отказаться от всего привычного и кардинально изменить свою жизнь.

– Человек ни в сорок, ни в шестьдесят, ни в восемьдесят – никому, кроме Господа Бога, ничего не должен.

– Я, собственно, об этом и говорю. Все беды в нас, и не стоит убегать в никому неведомые миры, сотворенные чьим-то больным воображением. Все в порядке. Солнце – греет, Луна – светит, а что еще человеку надо? Прорвемся.

1996 г.

Внук и дедушка

Пятидесятилетний внук беседовал со своим девяностолетним дедушкой, вернувшимся из длительной эмиграции на Родину. Не зная, с чего начать, он решил поговорить на отвлеченные темы.

– А вот скажи, дедушка, – спросил внук, – что, на твой взгляд, служит лучшим украшением для молодежи?

– Думаю, набожность, – нисколько не смущаясь вопросом, ответил дедушка, – она удерживает молодые сердца в невинности, предохраняет от нехороших мыслей, прогоняет грех, душе сообщает спокойствие, здоровью – крепость и, вместе с тем, приобретает честь у людей.

– Я, собственно, не об этом хотел говорить. Ну, допустим. Пусть – набожность. А что кроме, что после набожности?

– После набожности лучшим украшением для молодежи служит любознательность. Она состоит в том, чтобы как можно больше получить полезных знаний. Знание – это добро, которое не горит, не тонет, которое ни вор не украдет, ни червь не подточит.

– Очень интересно рассуждаешь, дедушка. Можно заслушаться. А на третьем месте что?

– И на третье место, что-нибудь найдем. Третьим украшением, для молодежи, будет – благопристойность.

– Расшифруйте, дедушка, для меня, убогого, искалечен-

ного материализмом.

– Я говорю о том, что прежде чем сказать что-либо или сделать какое-нибудь дело, молодой человек должен подумывать, обдумывать хорошо ли то слово или дело. Чтобы потом не пришлось стыдиться за него.

– А если проще? Попроще.

– Молодой человек должен взять за правило не употреблять никогда нечистых и скверных слов.

– Ну, это в наши дни невозможно. Как говорится, «поезд ушел». Упустили «синюю птицу». Ты, дедушка, что попроще скажи, для теперешнего времени. Не с луны же свалился. Хоть и в эмиграции жил, но на земле. Помилосердствуй.

– Пожалуйста. Трудолюбие! Для себя ли, для другого, за деньги ли, или даром, по обязанности или добровольно – нужно работать усердно.

– То есть на чужого дядю, как на себя? Это мы проходили.

– На кого бы ни работал – все равно. Работа твоя должна быть честной и тогда она принесет тебе честь. А ленивцам – позор и осуждение.

– Это не нашему народу наставление. Русский работник – плохой работник.

– Плохо думаешь о своем народе, о себе, о сыне своем. С этого начни, то есть с себя. Отец учил тебя с раннего детства отдавать честь всякому, никогда не осуждать никого, кроме себя. Да видно, не в коня корм. Жаль, мой сын, твой отец, рано умер. И себя виню, что все эти годы с вами

в разлуке был. Развратили вас, обезбожили. Стану молиться
за вас, чем смогу, помогу.

2008 г.

Воровка

Был я молод и счастлив, жил по принципу «Если плохо тебе, то найди того, кому еще хуже и помоги. Станет легче и ему, и тебе». И я искал тех, кому хуже и находил, но помочь не всегда получалось. Отчего становилось хуже и тому, кому пробовал помогать и мне самому. Одного желания помочь, как оказывается, мало, а терпения в молодые годы у счастливых людей и того меньше.

Была у меня знакомая Таисия Скороходова, профессорская дочка. Ее отец, профессор, умер, когда она еще не родилась. Был он старенький, папка ее. Зачал Таю на восемьдесят третьем году жизни, а полюбоваться на ребенка уже не довелось.

Матушка Таисии была младше мужа почти, что на шестьдесят лет. Семнадцатилетней девчонкой, прямо из детского дома повел он ее под венец. Нарожала она ему пятерых детей, и осталась вдовой. Четверых детишек отдала в детский дом, а с Таисией, последним ребёнком, «мучилась, но растила».

Управы на Таю не было никакой, воровала на рынках, в магазинах. Меня обворовала при первом знакомстве, когда оставил ее на ночлег.

Познакомился я с Таисией в городе, представилась защитницей Белого дома. Сказала, что разругалась с матерью и ей

негде ночевать. Я ей поверил, пустил в свой дом. Так, что же сделала? Обворовала и ушла, оставив записку.

Текст был такой:

«Обратишься в ментовку, засажу за совращение малолетней».

В голове возникло сразу несколько вопросов: «Зачем? Зачем она украла какие-то „копейки“ из кошелька, которые я и сам бы ей отдал, если бы попросила? Зачем стащила пакет молока? Зачем ушла в моей старой курточке? Разве, что старый японский магнитофон прихватила?».

Но, и в этом я не видел не только большой, но и никакой потери.

Обворовала глупо, бездарно, только для того, чтобы казаться воровкой. Ничего существенного, из дома не пропало. Еще бы хомяка украли из клетки. Все это выглядело нелепо. Поступок ее казался детским.

Но, вот насчет растления малолетней, это она перегнула. Сама же показывала паспорт, а точнее, фотографию в паспорте. Я читать умею, зрение хорошее. Дата рождения, располагавшаяся чуть правее фотографии, говорила о том, что Таисии Скороходовой полных девятнадцать лет. Другое дело, что выглядела она молодо и этим, как я понял, пользовалась.

Раз уж заговорил о совращении, то скажу, что и в мыслях ничего подобного не было. «Девочке негде ночевать, бедная, голодная», – так все это я понял. Я накормил ее, постелил

ей постель, сам лег спать в другой комнате. Вот и все. Если это считать совращением, то тогда – совратил. Правда, Таисия, в течение ночи раз восемь ко мне приходила. Будила под всяческими надуманными предлогами, но у меня и в мыслях не было к ней приставать. Она это видела, чувствовала и поэтому сама ко мне не лезла. Тем обиднее было читать записку. Эту гадость, написанную ее рукой на листке из моего блокнота.

Сначала я себя успокаивал, говорил:

– Глупое дитё. Хоть и дылда здоровая, но, дура душой. Обыкновенная воровка. Плюнь и разотри. Выбрось из головы. Забудь.

Но, что-то не позволяло мне ее забыть. Мой принцип не позволял.

– А что, если ей плохо? – Разговаривал я сам с собой. – А, что, если действительно, попала в беду? Ну, стащила молоко. Сытый человек никогда бы не взял. Значит, голодает. А записку написала из страха. Боится наказания, как дитё малое.

Вспомнив, что она рекомендовала себя, как защитницу Белого дома, я отправился на Краснопресненскую набережную, где и встретил ее в толпе зевак.

Тая неспешно прогуливалась с открытым пакетом молока, батоном белого хлеба и моим магнитофоном, висевшим у нее через плечо на тесемочке, как у солдата висит автомат. Я поймал на себе ее настороженный взгляд, рассмеялся и, махнув рукой, пошел восвояси. Но, не тут-то было. Она при-

стала ко мне, как банный лист. Больше всего удивила Таю та быстрота, с которой я ее нашел.

– Ты откуда здесь взялся? Ты уже заявил на меня в милицию? Я отдам тебе деньги, у меня сейчас просто с матерью нелады.

– Пусти, – сказал я, – дай, пройду.

– Куда пойдешь? Я тебя никуда не пущу. Ты, что, в ментовку собрался? Я же сказала, все отдам. У меня сейчас нелады со всем миром.

Я и не рад был тому, что стал ее искать, а хуже того, что нашел. А главное, говорила она со мной так, как будто у нас с ней и в самом деле что-то было. Какой-то роман. Интим, страсть, бурная ночь.

Сказал, чтобы ко мне ни под каким предлогом не приходила. Но, это для нее было все одно, что «приходи поскорей». Мало того, что сама зачастила, стали приходиться и ее дружки. Угрожали:

«Ты, чего это Таисией брезгуешь? Она хорошая, она исправится, женись на ней».

Что на это можно было ответить? Я помалкивал и наблюдал, как дальше станут развиваться события. В конце концов, все само собой утряслось и встало на свои места.

Таисия Скороходова была эдакой атаманшей у подростков. За ней ходили толпы молодых людей, дрались между собой постоянно. Я помню, в детстве своем наблюдал нечто подобное.

В наш подъезд, по обмену из другого района, переехала семья из четырех человек. Отец – горький пьяница, мать – труженица, сынок – лоботряс, мой сверстник, и дочка, только что закончившая школу.

За ней, с прежних мест проживания, потянулся шлейф старых знакомств. В нашем подъезде на всех этажах, с утра до вечера стояли толпы подростков. Это были ее друзья – ухажеры. Ходили они всегда кодлой, никто никогда по одному не приходил. И с Таей Скороходовой было точно так же.

– Это мои друзья, – коротко и ясно объяснила мне Тая.

И друзей не смутило бы, если б я с ней «любился» (ее словцо). А вот тот факт, что уличив в краже, я гнал Таисию от себя, это их задевало. Как это так? Пренебрегают их королевой. Человеком, за которого они готовы жизнь отдать. Ручаюсь, никто из них с ней не был близок физически. Она просто умела выслушивать их сумбурные, сбивчивые объяснения в любви. Умела, ничего не обещая, затеплить огонек надежды в каждом озябшем от неверия сердце. Была подростковым психотерапевтом. Ребята рассказывали ей все. Рассказывали о своих проблемах в семье, о том, как с друзьями ссорились. Им было приятно, что она – «свой парень». Что она, хоть и девчонка, но понимает их «мужские проблемы».

Ребята физически были развиты, а интеллект, знания, практические навыки – всё это полностью отсутствовало. И психика была расшатана. И становилось ясно, что каж-

дый из них, ни сегодня завтра натворит что-то страшное. И, в лучшем случае, окажется в колонии или в психушке, а в худшем – на кладбище.

Им бы цель высокую. Работу тяжелую, но продуктивную. Нужную не только им, но и стране, и всему человечеству. Но, не было ни целей, ни дела, ни работы, сказали – живите, как хотите. А это для молодых, здоровых, полных сил, все одно, что сказать: «не живите». Ощущение ненужности, незаинтересованности в тебе, когда хочешь быть нужным, полезным и готов горы свернуть – это беда.

Конец века всех этих ребят в своих жерновах перемолол в муку. И я к ним не лез, ничем не мог, да и не пытался, помочь. Мне Таисии Скороходовой хватило.

2001 г.

Воспитание действием

Один друг звонил другому, по телефону.

– Кто это мешает нам разговаривать? – Спросил Гомонов. – У тебя что, ребенок кричит? Если бы мои так кричали, я бы их давно ремешком угостил. Знаешь, на них иной раз нападет блажь и, пока хорошенько не отлупишь, эта блажь не отпускает. Ремень – лучшее лекарство от капризов. Я и собаку так лечу, и жену, и тещу.

– Молодец, – хвалил Ледащев, – просто молодец. Другого слова не подберу. А у меня все руки не доходят.

– Знаешь, я иной раз бью их, даже когда молчат. Так сказать, для профилактики.

– Правильно, очень правильно поступаешь. Я просто восхищаюсь тобой. Жаль, что нет во мне твоей силы духа. Домашние заметили во мне эту слабость и сели на голову.

– Вот ты понимаешь, что без порки нельзя, а мои не смиряются. Отказываются принимать необходимое. Ой, прости. Жена с тещей, участкового привели. Придется идти в милицию.

– Зачем?

– Объяснительную писать.

– Объяснительную?

– Да. В лучшем случае. Но, чую одним местом, опять на пятнадцать суток закроют. Вернусь, продолжим разговор.

1995 z.

Восточная красавица

Гульнара, восточная красавица моя. Был бы поэтом, так бы о ней сказал: «Голос – чудесная музыка, глаза – драгоценные камни».

Гуля появилась в моей жизни, как легкое перышко, опустившееся с неба на ладонь, и так же, как перышко, влекомое дуновением ветра, исчезла. Утощала пловом с курагой и изюмом, спали с ней на перинах, расшитых золотом.

И, что она нашла во мне? Ни денег, ни славы, ни имени. Был бы красавцем, или дамским угодником, умеющим рассыпаться бисером у женских ног. Так, нет же. Ничего этого не было. Разве молодость? Я тогда только со службы пришел. Служил в Морфлоте. Расхаживал вразвалочку и ни одну юбку не пропускал, за каждой волочился. Все мысли были только об одном. Но, при всём при этом, был разборчив.

Гульнара была замечательной девушкой, но с ней случилась беда. Иначе это никак не назовешь. Словно кто-то околдовал ее. Сознание у нее помутилось. Взяла, отрезала свои длинные волосы, подрезала юбку, стала демонстративно пить и курить. И был у нас с ней последний разговор. Гуля в основном говорила, а я слушал.

– Я боюсь счастья, – говорила она, – боюсь быть счастливой. Так живешь себе тихо-спокойно и не думаешь о смерти, она где-то далеко. Так далеко, что, кажется, ее не существу-

ет. А когда я счастлива, то она рядом, стоит за спиной, и я затылком ощущаю ее холодное дыхание.

Конечно, и жизнь в моменты счастья в сто раз прекраснее и интереснее. И дни летят незаметно, как минуты, и минуты растягиваются в блаженную вечность. И, очень страшно все это потерять. А где страх, там всегда поблизости смерть.

Смерть, как гиена, ходит за тобой тенью и поджидает своего часа. Смерть знает, что люди, способные воспарить, решиться на высокий полет, рано или поздно должны упасть и разбиться. Да. Да. Это так. Я это чувствую. Поэтому я больше не стану кидаться в твои объятия, и стану отталкивать от себя. Счастье не для меня. Мне нужна тихая радость.

– Ты рассуждаешь, как старушка.

– А может, я и есть старушка.

– В твои двадцать лет?

– А, душа? Она же без возраста. И опыт у нее свой. Я, может, столько за двадцать лет выстрадала, что другой бы на девяносто хватило.

– Да. Наверное, ты права. Иди, своей дорогой, а я, «наивный», еще полетать попробую.

Так и пошли, и «полетели», каждый в свою сторону. С тех пор я Гульнару ни разу не встречал.

2001 г.

Врушка

Познакомился я с Женькой в ресторане. Когда спросил, кем работает, ответила:

– Моя профессия начинается на букву «б», а заканчивается на мягкий знак.

Говоря все это, она положила ногу на ногу и многозначительно мне подмигнула. И тут же рассмеялась, весело спросила:

– За кого вы меня приняли? Я библиотекарь.

Шутка мне не понравилась, но я не подал вида.

Знакомство наше началось с шутки, продолжилось враньем. Представилась Евой Валевской и довольно-таки продолжительное время в этом образе пребывала. Я, обращаясь к ней, называл ее Евой, столик в ресторане на следующее воскресенье заказала на это имя. А, потом все же призналась, что зовут ее Женей, по паспорту Евгения, но Евгенией просила не называть.

«Отец – Евгений, мать – Евгения, да и меня еще так станете величать». Такое вот было пояснение к просьбе не называть ее полным именем. Я почему-то уже тогда подумал: «Хлебнешь ты с этой барышней горя», но тут же успокоил себя, уверил в том, что все это эпатаж, желание показаться особенной, удивить оригинальностью.

Ох, как же она лгала! Вранье было ее второй натурой. Я

теперь думаю, что Женьку нужно было бы занести в книгу рекордов Гиннеса. Все сказочники мира, со всеми своими небылицами не смогли бы сравниться с ней. С теми ее «правдивыми» историями, которые рассказывала она мне.

Я ей говорил:

– Когда бы был такой журнал – «Ложь» или газета «Кривда», то ты, без сомнения, была бы там главным редактором и самым печатающимся автором одновременно.

Особенное мое негодование вызывало то, что жила эта врушка – побрехушка на улице Правды. Я много с ней об этом говорил, грозил в шутку, что напишу на нее донос, так как не имеет она право жить на этой улице. Но угроза ее не исправила.

Сначала я думал, что это такая защита, в моем обществе чувствует себя неуютно, и из-за этого лжёт. Но оказалось, что это не так. Она лгала и родителям, и прохожим. И близким, и дальним, и своим, и чужим.

Ну, как можно было жить с таким человеком? Ее нужно было лечить. Лечить серьезно. А я с ней игрался, шутил. Как-то раз, в наказание за очередное вранье (вспомнив ее же жалобы на то, что, дескать, мало пороли), я попробовал дать ей несколько раз ремнем по заднему месту – не помогло.

– Ой-ёй-ёй, ты меня убьешь! Я не вынесу! Сердце лопаётся от боли! – кричала она истошным голосом в тот момент, когда я ее порол.

И тут же, когда я ремень в испуге бросил, стала смеяться,

скакать, напевать:

– Ну, а мне не больно, курица довольна.

Да, было в ней много детскости, и вранье ее было тоже какое-то детское, не злое. Из-за этого, быть может, я с ней два года вместе и прожил. Хотя, что это за годы были, надо отдельно рассказывать.

2000 г.

Вызвали врача

Женщина-врач пришла по вызову к Светиной маме. Света, открыла ей дверь.

– Врача вызывали?

– Да. Проходите.

– Номер вашего дома? – Не входя, и как-то подозрительно насторожившись, спросила женщина.

– Проходите, всё правильно. – Постаралась Света её успокоить.

– Я спросила, номер дома? – Не успокаивалась женщина.

– Четырнадцатый.

– Корпус? Какой корпус? – Продолжала женщина свой вопрос.

– Вы, правильно пришли. Входите.

– Я спрашиваю, какой корпус?

– Корпуса нет.

– Значит всё правильно.

Женщина вошла, разделась в прихожей и спросила, куда ей идти. Света указала на комнату, где в постели лежала мама.

Заметив, что девушка сильно простужена, женщина-врач поинтересовалась:

– К кому вызывали?

– К маме. – Сказала Света.

Мама, по своей наивности, стала просить человека в белом халате, что бы она и дочку послушала. Хотя бы затем, что бы знать, нет ли хрипов в лёгких. Бюллетень, был не нужен.

– Это невозможно. – Отрезала женщина-врач. – Вызов был один, я буду осматривать только одного больного.

У Светиной мамы было высокое давление, она просилась в больницу, на что женщина-врач рассказала историю о том, как «одна ходила своими ногами», но легла в больницу и умерла. Как выразилась женщина-врач «Ускорилась».

– Сама себя ускорила. Так бы жила потихоньку, ходила бы своими ногами, а то.. Только сама себя ускорила. Нет, не советую ложиться в больницу. Не советую.

Женщина побыла ещё какое-то время, выпила предложенное кофе, съела четыре бутерброда с колбасой, рассказала уйму страшных сплетен с летальными исходами, ничего не выписала, оделась и ушла.

1995 г.

Выручил

Летом, в июле, в период отпусков, я познакомился с Дашей. Заметил ее на Симферопольском вокзале. Она медленно спускалась по ступенькам в обществе старенького дяденьки. Я почему-то с первого взгляда понял, что это не дедушка, не дядя и не папа с ней. Дяденька был в шортах, вид имел отвратительный, ноги худые, кривые, в каком-то розовом пуху. Все подхихикивал. Видно было, что девушка им управляет.

На площади к дяденьке подошел наглый, хулиганистого вида паренек и, обращаясь к нему, спросил:

– Отец, как твою дочку зовут? Познакомь меня с ней.

– Я ей не отец, – растерянно ответил дяденька и, часто заморгав белесыми ресницами, беспомощно посмотрел на девушку.

– Это мой муж, – гордо заявила Даша

– Что? – переспросил парень, – Муж?

Он так громко и чистосердечно засмеялся, что дяденька смутился, скукожился и сник.

– Он тебе не муж, – вынес свой вердикт отсмеявшийся наглец и, сплюнув дяденьке под ноги, развернулся и ушел.

Парень ушел, а я остался. Даша заметила мой интерес к своей персоне и поздоровалась, как бы приглашая к общению. Ей бы, откровенно говоря, учитывая молодость лет, того забияку-парня загорелого. Но, вышло так, что стала встре-

чатся со мной.

Я к ним подошел, успокоил дяденьку, сказав:

– Не обращайтесь внимания, здесь полно хулиганья. Давайте, я вам помогу.

– Помогите, – сказала Даша, опередив тем самым дяденькин отрицательный ответ. И я помог. Помог не только с багажом, и не единожды.

По окончании отпуска дяденька на прощание крепко жала мою руку, а Даша, не стесняясь условностями, прямо у вагона долго мусолила мои губы в страстном поцелуе.

По «молодоженам» было видно, что их отпуск удался. Оставили адрес, но я не писал.

2002 г.

Выход найден

«Вошь ли я дрожащая или право имею?». «Пролетариату нечего терять кроме собственных цепей». Нет, всё не то. Зачем я виню и ругаю во всех своих бедах других? Затем, чтобы не ругать себя, замечательного живописца Аркадия Рафаелова. Потому что привык лгать и обманывать.

Но почему я лгу? Зачем себя-то обманываю? Потому, что пью и не могу не пить, а как выпью, сразу же находятся виновные во всех моих бедах. Начинаю их ругать, и снова рука тянется к бутылке, чтобы успокоиться. И опять всё по кругу.

Выход есть. Не пить, не лгать и не ругать никого, кроме себя. Выход хороший. Но смогу ли я разрешить эти три задачи? Не уверен.

Допустим, брошу пить. Что тут начнётся. Сразу же налетят со всех сторон друзья и доброжелатели, поднимут такой вой, что чертям в аду тошно станет. Станут тащить на вечеринки, на утренники, на всяческие застолья. Те, что сегодня называют алкоголиком и яко бы пекутся о моём здоровье, будут первыми уговаривать сделать хотя бы глоток. Всё это мы уже проходили.

Допустим, всё это преодолимо. Что дальше? Вот я не пью. Молодец. За это – награда. Награда обязательно. Потому, как с моей привычкой к винопитию, сделавшейся зависимостью, с моими пьющими друзьями, чтобы сдержаться, на-

до быть непременно героем. И пока мне отливают золотую звезду, давай-ка посмотрим, что дальше.

А дальше ещё страшнее. Не лгать, не ругать. Ложь, ругань – это корни всех зол. За тем, что бы люди лгали и брались, не черти следят с кочерёжками и даже не бесы, а сам враг Господа Нашего. И тут уж борьба предстоит не шуточная. В пору имя менять, на Гавриила и братья за копьё.

Попробуй-ка без лжи, без вранья, без осуждения близких, прожить хотя бы день. В лучшем случае, ожидает больничная койка, а если не обманываться – тюрьма или сумасшедший дом. Вот и задумаешься. Тяжело, не возможно без вранья, без осуждения. Люди к ним настолько привыкли, настолько требовательны к отправлениям этих нужд, что лучше не шутить. Не хочу даже думать об этом.

Да, чего на людей валить, сам же первый завою. Не в лесу живу, не в пустыне. Трудно будет с лукавым бороться, слабосильный я. От этого и стану плясать. Поэтому буду ругать других, не себя же, в самом-то деле, буду лгать и пить отраву. Получается всё тот же, порочный круг.

А может решиться? Стать трижды героем? Не пить, не лгать, не ругать! И тогда другие, глядя на меня, пойдут вслед, высоко подняв головы. А хотя бы и не пойдут. Что мне до них, себя бы спасти. Сказал святой: сам спасись – вокруг тебя тысячи спасутся. Почему бы и не попробовать? Попробую. С нами Крестная Сила и Небесная Рать. Вперёд, на лукавого! Господи, благослови. Дай мне силы дойти до конца

И ВЫСТОЯТЬ.

2.04.2000 г.

Генеральша

Елена работала генеральным директором в автосалоне. Сейчас куда ни плюнь, повсюду салоны и генеральные директора. Работники за глаза называли Елену генеральшей. «Генеральша приехала», «генеральша уезжает». Она это за ними подслушала, и уж очень ей это понравилось.

Купила в палатке на Арбате генеральский китель и фуражку (если совсем быть точным, то китель вице-адмирала), и в эдаком наряде, надетом на голое тело, щеголяла, разгуливая по квартире передо мной.

Елена постоянно курила, дымила, как паровоз и матом ругалась страшно. А на вид была субтильной барышней, так что и не подумаешь. И все-то были у нее какие-то дела, какие-то «деньги». То ей должны какие-то «сволочи» какую-то «кругленькую» сумму. То она «кругленькую» сумму должна каким-то «сволочам». При этом постоянные, непрекращающиеся суды, постоянные разговоры со следователями, с адвокатами, с людьми, занимающимися опасной и противоправной деятельностью.

Сошелся я с Еленой, пожил месячишко. Думаю: «Мне все это ни к чему». И тут же драпанул от нее, не прощаясь.

2001 г.

Герой

С Аллой я познакомился осенью, в начале сентября. Погода стояла чудесная, двадцать четыре градуса. Но, на асфальте уже лежали опавшие листья, красные и желтые. Дождик время от времени моросил, но не сильно, как бы в виде тренировки перед предстоящим сезоном дождей.

Возвращался я через парк, во втором часу ночи. Смотрю, идет наперерез девушка. Я даже приостановился. Как-то выглядело всё подозрительно: ночь, девушка, стоящий в сторонке мужчину, странно поглядывающий на нее.

Девушка прошла мимо меня, очень бойко прошла, я посмотрел в том направлении, куда она шла, и решил, что направляется красавица в ночной магазин. Но она, как оказалось, шла к почтовому ящику. Опустила письмо. «Что может заставить девушку, – думал я, шагая своей дорогой, – среди ночи идти в чашу? Только неразделенная любовь».

Я невольно остановился и оглянулся. Захотелось еще раз, пусть мельком, взглянуть на нее. Она возвращалась той же дорогой, которой пришла. Навстречу ей неспешной походкой шагал тот самый странный мужчина. Я даже подумал, что это ее знакомый, провожатый. Ну, не одной же, в самом-то деле, среди ночи гулять.

Ошибся. Послышалась возня и мужской голос, бормотавший угрозы. Это был, если можно так выразиться, громкий

шепот. Но, в два часа ночи, осенью, в парке все хорошо слышно. Затем раздался сдавленный девичий крик: «Помогите!». Я побежал на крик. Видеть их, я на тот момент не мог, мешал высокий кустарник.

Насильник меня не испугался. Да, и то сказать, на вид я не очень крупный. А про то, что когда-то был чемпионом Москвы по боксу, он об этом, конечно же, знать не мог. Мужчина был очень уверен в себе, держал одной рукой девушку за талию, другой пытался закрыть ей рот. Она вырывалась, кусала его руку.

– Вали, куда шел, – сказал он мне тоном, не терпящим возражений, – а не то башку оторву.

Я засмеялся, увидев перед собой настоящего, живого, насильника.

Если было бы можно, посредством машины времени, вернуться назад, туда, в ту ночь. Я бы с наслаждением сломал ему челюсть, и рёбра. Но, тогда вышло все само собой.

Он перехватил девушку, не выпуская ее. Стал держать за руку. И тут же ударил мне с правой, а точнее, намеревался ударить правой рукой мне по лицу. Я поднырнул под его руку и со всей праведной ненавистью, провёл «двочку».левой по печени, правой в челюсть. Он, видимо, был не готов к такому сопротивлению, бросил девушку, упал и замер. Алла вцепилась в меня. Так и познакомились. Стал для нее героем.

Приятно это, надо заметить. Будьте героями, не будьте

негодьями. Их судьба – позор.

2000 г.

Главная роль

1

История эта произошла в конце двадцатого столетия с актером одного из московских театров, Глебом Хлебовым.

В понедельник утром Глеб вышел на кухню напиться холодной воды из-под крана, да так и остолбенел: на раковине, у самого крана, стоял на задних лапках таракан и, как Глебу померещилось, подмигивал ему левым глазом.

Казалось бы, чему удивляться, дом старый, а тараканы, они и в новых домах не редкость. Но за все сорок лет, что Глеб здесь прожил, тараканы в их доме не водились. Во всех окружающих строениях – поликлинике, школе, детском саду, не говоря уж о магазинах и помойках, тараканы жили, а в их доме – нет. Даже когда на лестничных площадках стояли баки для сбора пищевых отходов. Мыши, клопы, муравьи жили, а тараканов не было. А теперь, судя по этому рыжему бесстрашному наглецу, появились.

Глеб сразу сообразил, что виноваты новые соседи, жильцы, вселившиеся накануне в четырнадцатиметровую комнату, освободившуюся после смерти старичка Козырева.

Не успел Глеб подумать о соседях, как тотчас на кухню вышли и они собственной персоной. Муж и жена, очень похожие друг на друга, карикатурно полные, видимо, только

что проснувшиеся. Муж был в одних трусах, так сказать, по-домашнему, жена с распущенными нечесаными волосами и в одной ночной рубашке.

Поначалу мелькнувшая в голове у Хлебова мысль извиниться за свой затрапезный вид, – он был в спортивных штанах и майке, – как-то сразу за ненужностью исчезла.

– Давайте знакомиться, – сказал скрипучим сиплым голосом новый сосед и протянул для рукопожатия огромную лапу. – Крошкины. Густав и Глафира.

– Хлебов, – представился Глеб, пожимая вялую липкую руку и, заметив вдруг гору грязной посуды, в раковине, уточнил:

– Как? Как вас зовут? Простите, не расслышал.

– Глафира, – игриво отозвалась Крошкина. – Помните фильм «Свинарка и пастух»?

– Да-да. Свинарка! – пожимая зачем-то и ей руку, сказал Глеб и поспешил к себе в комнату.

2

Далее все пошло-поехало как по накатанной. Позвонила Грета Сергеевна, заведующая постановочной частью театра, в котором он служил, и сообщила, что пришел новый режиссер и объявлен общий сбор труппы. А ведь у Хлебова сегодня был выходной, и Глеб собирался сходить с Евой в зоопарк, по настоятельной просьбе последней.

Нового очередного режиссера звали Фридрихом Фридриховичем Прусаковым. Этот человек был очень странно одет и, если можно так выразиться, походил на какого-то отрицательного персонажа из сказочного спектакля для детей. Нелепый вид удачно дополняли выстриженные под ёжик и выкрашенные хной волосы. Острые рыжие брови далеко выдававшиеся за пределы лица, и бледно-зеленые, выпученные, болезненно воспаленные глаза. Рыжие усищи под длинным носом, как две сабли, огнем горящие в лучах солнца, так же, как и брови, торчали в разные стороны, того и гляди, обрежешься об них. Сказочный злодей, ни дать, ни взять. И одет был соответственно. Не по росту длинный пиджак ржавого цвета, в черную полосочку. Черная жилетка, вплотную облегающая брюшко, черные коротковатые брюки со стрелками, облегающие жирные ляжки, носки болотного цвета и остроносые коричневые туфли на высоких каблуках. Одним словом, натуральный клоун в гриме и реквизите перед выходом на арену, а не театральный режиссер.

Кто он? Что поставил? Откуда? Никто ничего не знал. А сам он об этом предусмотрительно помалкивал, сохраняя интерес к своей персоне и загадочность. Зато сразу же сообщил о том, что намерен ставить произведение Франца Кафки «Превращение». И на главную роль назначил Глеба Хлебова, который «засиделся на скамейке запасных», «изнывает на вторых ролях» и прочее, прочее.

Все это походило на кошмарный сон. Утром, только

проснулся, на кухне встретил его таракан. Пришел в театр, тут другой таракан, в человеческом облике предлагает ему самому сыграть, «попробовать свои силы» в роли насекомого, жука, собственно говоря, того же таракана.

После того, как Прусаков объявил, что к репетиции они приступают немедленно, Хлебов понял, что ненавидит Прусакова, ненавидит Кафку и ненавидит таракана, которого ему придется играть. «Он явно из тех недалеких людей, – думал Хлебов о Фридрихе Фридриховиче, – что нахватались поверхностных знаний и ничего из себя толком не представляют. Не являясь по сути своей режиссером, он только играет роль режиссера, но делать нечего, главная роль, надо терпеть».

Мучения начались с того, что все участвующие в постановке лица прочли текст. Прусаков возбуждённо бегал перед актерской группой, усы и брови его стояли дыбом. Он рассказывал о том, какое это гениальное произведение, что оно о культуре двадцатого века, о культуре разложения, о предощущении грядущей войны, о том, что действие гениально продумано.

Актеры слушали, поддакивали: «Да, да! Гениально!», а Хлебов думал: «Какой урод. И чем мне в течение трех месяцев заниматься? Пойди, скажи Прусакову, что он кретин. Нет. Это может сказать „народный“ или премьерша Ведмицкая, жена директора театра, да и то всегда это кончается драматически, режиссер всегда побеждает».

Победил режиссер и на этот раз, всех отпустил, кроме Хлебова. Оставил его одного в огромном зале. Глеб грустно посмотрел в окно, предчувствуя, что сейчас начнется какая-то гадость. Прусаков, потирая руки, сказал:

– Теперь сыграем этюд.

Это было самое страшное.

Актер всегда цепляется за текст. Когда текст выучен, тогда вроде как что-то понятно. До того, как Прусаков предложил сыграть этюд, Хлебов посмотрел рассказ и увидел, что он громадный, в нём дикое количество диалогов, а у него главная роль и ни одного слова. То есть он должен лежать или сидеть и что-то показывать. А для любого актера это самое страшное. Текст для актера самое главное. За текстом он спасается, прячется, а тут не было текста, не за что было спрятаться, спасения не предвиделось.

Когда актеру на сцене делать нечего, он начинает закуривать. Прусаков дал установку не закуривать, не садиться.

Хлебов посмотрел на Прусакова со страхом и, справившись с внезапно накинувшимся на него кашлем, голосом, исполненным трагизма и обреченности, спросил:

– Так. Что играть?

– Ну, как что? Вот. Жука, – возмутился Прусаков. – Сейчас Вам просто сыграть нужно.

– Это понятно.

– Ну, так играйте. Попробуйте. Попробуйте представить себе. Перевоплотитесь, подвигайтесь, посуществуйте вот

здесь, в этом пространстве. У Вас дома есть тараканы?

– Да, появились. А откуда Вы знаете?

– Это не важно. Вы их помните визуально? Попробуйте изобразить.

Хлебов почувствовал себя голым.

– Ну что же Вы? – капризно поинтересовался Прусаков. – Хорошо. Лягте на спину. Там есть такая мизансцена, когда герой падает с кровати на пол на спину и не может перевернуться.

Хлебов со вздохом лег на спину.

– Там есть фраза, – продолжал Прусаков, – «насекомое падает на спину и пытается перевернуться, махая лапками». Вот, написано: «махая восемью лапками». Ну-ка, Глеб, давайте попробуем.

Бедный Хлебов, кряхтя и тужась, принялся махать руками и ногами.

– Нет. Стоп, Глеб, – почти закричал Прусаков, восприняв движения рук и ног актера как личную обиду. – Не надо дурачиться! Я смотрю и вижу, что у тебя их всего четыре. Четыре конечности. Причем, две руки и две ноги.

– Да, конечно четыре. Откуда...

– Нет. Ты должен так махать руками и ногами, чтобы я увидел, что у тебя не четыре, а восемь конечностей. Понимаешь?

– Мне это нужно представить?

– Представить. Прежде всего, представить, а потом уже

и сделать так, чтобы я их мог увидеть. Сейчас у тебя их четыре. Длинные, красивые, но это не то. Они, во-первых, должны стать короткими. Ты меня понимаешь?

Двухметровый артист Хлебов стал изощряться. Прусаков его опять остановил.

– Нет, Глеб. Понимаешь.... Как бы.... А ну-ка, пошевели пальцами на руках и на ногах.

Хлебов пробовал шевелить, но у него ничего не получалось, и вдруг Глеб вспомнил жуткого рыжего таракана, которого он раздавил сегодня утром, как тот лежал беспомощно на спине и дрыгал лапками.

– Вот, вот, вот, вот. Что-то начало получаться, – залепетал Прусаков.

– Нет, – завопил Глеб и вскочил на ноги, – не могу!

– Почему?

– Я не понимаю, – стал лукавить и защищаться актер, – не чувствую зерна роли.

– Ничего, – успокоил его Прусаков, – нам спешить некуда. Главный режиссер нам разрешил репетировать три месяца, потом отпуск. Во время отпуска мы с Вами тоже встречаться будем. Ведь мы будем, Глеб, с Вами встречаться?

– Будем, – обречённо пообещал Хлебов, понимая, что у него нет выбора.

После репетиции Хлебов зашел в специализированный магазин и купил средство против тараканов. Продавец его инструктировал:

– Насыплешь этот порошок за плиту, за холодильник, под мойку, в вытяжку положи, под коврик при входе тоже не забудь, – это излюбленные места тараканов. Через день, когда сожрут, они одуреют от этой отравы и все вылезут на потолок. С потолка ты их пылесосом уберешь, и все дела. Самое универсальное средство. Избавит от тараканов без лишнего труда.

Вечером того же дня Хлебов сидел дома у своей невесты Евы Войцеховской. Она была актрисой того же театра, где служил Глеб. Он рассказывал ей, отсутствовавшей на общем сборе труппы, о новом режиссере и прошедшей репетиции.

Глеб смеялся с Евой над новым режиссером.

– А усы, – говорил Хлебов, – как у Сальвадора Дали. И пиджак о жилетку трется, издавая противный звук, как будто у него под пиджаком спрятаны чешуйчатые крылышки.

– Не верю, – смеялась Ева.

– Давай-давай, «Станиславский»! Придешь – сама увидишь: настоящий таракан.

4

Глеб провел весь комплекс мер по уничтожению тараканов, но положительными результатами травли порадоваться

ему не пришлось. Утром следующего дня на глаза ему попались живые их представители. Причем совсем не одуревшие и на потолок лезть, как обещал продавец отравы, не собирающиеся. Один прогуливался у хлебницы, другой в наглую, среди бела дня сидел на краю раковины и убежал только тогда, когда увидел актера. Бежал он лениво, медленно, но во все не болезненно, не на последнем издыхании. И тот, что прохаживался у хлебницы, театрально шевеля усами, демонстрировал не только хорошее здоровье, но и как показалось Хлебову, превосходнейшее настроение.

Вред от всей этой дезинфекции, похоже, достался ему одному. А тут и вовсе произошло нечто вызывающее. Устав напоминать Крошкиным, чтобы не складывали свою грязную посуду в общую раковину, он решил взять да и помыть их тарелки, с целью пристыдить. Глеб открыл воду, взял губку с раковины, а на ней, на этой губке, как на сходке воровской, двадцать тараканов. Он отшвырнул губку на пол, и все они неспешно разбежались, можно сказать, разошлись. Хлебов так расстроился, что передумал мыть посуду. Завернул кран с водой и пошел к себе в комнату.

Собственно, сами по себе тараканы не мучили бы его так, если бы ни одно обстоятельство. Дело в том, что как раз накануне их появления он решил начать новую жизнь, в которой не будет места злу. Решил жить ни на кого не ожесточаясь. И свято уверовал в то, что может добиться огромных результатов в вопросе самосовершенствования. И тут вдруг

эти тараканы! И теперь даже не стояло вопроса: «Убивать их или нет?». Он при одном только виде этих насекомых мгновенно свирепел, лицо становилось свекольного цвета и уже ни о какой любви, ни о каком смирении не могло быть и речи.

Вот эти терзания, эти внутренние противоречия очень сильно его огорчали. Казалось бы, только он приготовился к тому, чтобы любить весь мир, всю живность, всех пташек, всех малых жучков-паучков, как вдруг – тараканы. И отвратительнее всего было то, что буквально за три дня до появления тараканов, а в театре Прусакова, одержимого идеей сделать из него каракатицу, он, выпивая с актером Смаковым, учил последнего, что всякая крошечная мошка – суть творение Божье и что в многообразии жизней и заключается любовь Всевышнего к своим созданиям. Учил Смакова тому, что каждую мошку нужно любить и только тогда с миром станешь един и обретешь покой, умиротворение и благодать.

Правильные слова Глеб говорил, и даже Смаков не спорил, задумался (до этого он ел жуков из бравады и этим хвастался: «что тебе чернослив в шоколаде»), а уже через три дня на голову Хлебова свалились такие беды, такие испытания: тараканы, Крошкины, Прусаков и ненавистная роль насекомого.

– Неужели и этих подлых тварей тоже создал Господь Бог? – спрашивал себя Хлебов и все более стал склоняться к теории Дарвина и его варианту появления человека

на земле. Очень скоро стал ненавидеть не только тараканов, но и всех окружающих, как произошедших из тараканов путем эволюции. О чем, собственно, красноречиво свидетельствовал режиссер Прусаков. Фридрих Фридрихович был зримым воплощением таракана в человеческом облике. В этом Хлебов уже и не сомневался.

Однако нельзя было сидеть, сложа руки, нужно было бороться. Не откладывая в дальний ящик намерение раз и навсегда разделаться с тараканами, Хлебов решил им устроить Варфоломеевскую ночь. Завел будильник на три часа ночи, встал по звонку, выскочил на кухню и, включив свет, открыл свою кровавую охоту.

Убил штук шесть маленьких тараканов, двух больших, очень хитрых и ловких, причем бил их и доской, на которой резал колбасу и ершиком, которым мыл банки изнутри и пальцами давил и топтал ногами. То есть в ход шли все силы и все подручные средства.

Покойные тараканы показали перед смертью чудеса изворотливости и жизнелюбия. Опять же в смекалке нельзя было им отказать. Они бежали, петляя по открытому пространству, затаиваясь за ножками табурета, прячась в щель между стеной и плинтусом, прыгали, крутились и вертелись, как волчки.

Это были совсем не такие насекомые, представителя которых Хлебов должен был воплотить на сцене. Это были хитрые, наглые, безжалостные твари и убивать их совсем было

не жалко. Из щели актер их выжигал пламенем зажженной спички, дул на разгоревшееся пламя, а далее выскочивших из укрытия тараканов бил всем вышеперечисленным подручным инструментом до тех пор, пока тараканы не переставали показывать пусть даже малейшие признаки жизни. «Если лапа дергается, значит, еще жив».

Уже под утро повезло ему напасть на неуклюжую, здоровую тараканью самку, тащившую в себе огромное яйцо с потомством. Он глазам своим не поверил. Казалось, совсем легкая добыча. Но Глебу не повезло. То ли оттого, что от радости руки дрожали, то ли оттого, что после ночи бессонной под утро уже глаза не так хорошо стали видеть, но все его удары не имели успеха.

Самка таракана спряталась за плинтус и уползла за громоздкий кухонный стол Крошкиных, – знала, где прятаться. Актер высматривал ее, стерег. Из-под стола Крошкиных вынул мешочек с алебастром и металлический гнущийся шланг для прочистки водопровода. «Приобрели, видимо, для того, чтобы не зависеть от слесарей, – решил Глеб, – должно быть, Густав купил. Надо будет все же им, „чистюлям“, посуду помыть». И все смотрел под стол и сторожил.

Следил за ней даже тогда, когда мыл Крошкиным посуду. «А вдруг? – думал Глеб, складывая чистые тарелки в стопку, – а вдруг у них совесть появится? Вдруг подумают о том, что не одни живут и нельзя общественную раковину захламлять своей грязной посудой».

И еще раз появилась тараканья самка. Глеб не поверил своему счастью. Бил в нее, бил по ней, громил изо всех оружий, но опять мимо. Природа охраняет и бережет матерей во всех проявлениях.

Спать Глебов лег в шесть утра. В семь разбудил его стук в дверь, стучала соседка.

– Спасибо Вам, что посуду помыли, – говорила Глафира, – вот, возьмите. Вчера с мужем в гостях были, с собой нам дали «селедку под шубой», она слегка с кислинкой, надо было бы сразу в холодильник поставить, а я недодумалась. Но ничего, есть можно. Приятного аппетита.

– Ну, что Вы, спасибо. Спасибо большое, – притворно-вежливо поблагодарил Хлебов и скрылся в своей комнате. Селедку тут же вместе с шубой завернул в тройную газету и положил в мешок с мусором. «Да, у кого совести нет, – подумал он, – у того она не проснётся. Придется все время за ними посуду мыть».

Глеб вошел в ванную комнату умыться, но увидел, что его там ждет сюрприз – пустое тараканье яйцо.

– Все-таки сбросила бомбу на Хиросиму, – со злобой сказал он и стал глазами по углам искать мамашу. И все не мог простить себе, что упустил тараканью самку. Когда брился, порезался.

С тех пор актер Хлебов взял себе за правило каждый день убивать хотя бы по одному таракану. Их присутствие делало Хлебова совершенно больным. Все свободное время он

тратил на то, чтобы заглядывать в щели, сидя на репетиции, думал о том, что они плодятся и что неплохо бы их теперь убивать, а не тратить время попусту.

У служебного входа его ждали поклонники, говорили о своей любви к его творчеству, а он слушал их в полуха и в это время думал о том таракане, который убежал от его горящей спички и спрятался под раковиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.